

ОТНЮДЬ НЕ ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Как молния сверкает раньше грома,
так сострадание предшествует любви.
Торквато Тассо

- Станция Челёма, стоим две минуты, - объявила проводница, выходя в тамбур.

- Кого же она предупреждает, для кого старается? - оглядел Алексей Михайлович совершенно пустой проход в вагоне, - ведь выхожу здесь я один, и стою пред её светлыми очами уже целых пять минут.

Недоумённо пожав плечами, Щенников направился вслед за хозяйкой вагона.

Скорый фирменный абаканский поезд из тютельки в тютельку, ровно в четыре пятнадцать, как и указано в расписании, прошипев тормозами, остановился у перрона. И тотчас же из дверей вокзала спешно вынырнула фигура полицейского, в сбитой впопыхах на ухо фуражке.

- Чуть не проспал, лопушок, - подумал пассажир, глядя, как суетливо служивый оглядывает вверенную ему для поддержания порядка территорию.

Поставив сумку на асфальт, перекинувшись с проводницей уместными в данный момент прощальными фразами и махнув ей рукой, Алексей Михайлович вдохнул полной грудью свежий воздух августовского прохладного рассвета и, как бы с сожалением выдохнув, достал сигареты и прикурил, нисколько не обращая внимания на попытавшегося вроде бы укорить - осудить его за этот ныне наказуемый поступок, но потом передумавшего, стража порядка. Как-никак, а перрон - это место общественное, и курить здесь, согласно последним строгим постановлениям, запрещено. Но, видимо, молоденькому сержанту не хотелось заводить бадягу с солидным, интеллигентного вида дядечкой, и он ещё раз оглядевшись по сторонам и не увидев более ничего криминального, направился досыпать в свою дежурку.

Бросив окурки в урну, Щенников, обойдя здание вокзала (не будить же «сонное царство» хлопаньем дверьми), вышел на привокзальную площадь, носящую почему-то имя вождя мирового пролетариата, а не как общепринято в иных городах и весях, какое-либо железнодорожное название, стал подниматься в горку. В двухстах метрах от «железки» располагалась автостанция, но уж тут как и полагается по неписанному закону, на Автотранспортной улице.

Алексею Михайловичу ещё предстояло пятидесяти-километровое путешествие в пыльном ПАЗ-ике до райцентра Молокша, где он проживал последние семнадцать лет, работая учителем географии в единственной здесь средней школе.

Автостанция открывалась в пять ноль-ноль, а его автобус отправлялся в 6=30. Обтерев носовым платком влажную от росы скамейку, что вплотную прилепилась к стене здания, педагог присел на неё, и чтобы как-то скоротать

время, достал последний, августовский номер «Судоку» и приступил к решению цифровых головоломок.

Не успев врубиться в очередное упорядочение квадратов, горизонталей и вертикалей, он неожиданно для себя вынужден был отвлечься, услышав громкое в утренней тишине шебаршание старушечьих ног по асфальту. Подняв голову, он заметил, что его же маршрутом, еле-еле переставляя ноги, плетутся от вокзала две странницы, одетые бедновато и, как показалось ему, несколько неряшливо. Чуть впереди - лет тридцати пяти - сорока женщина с двумя набитыми под завязку сумками, коими пользовались «челноки», возившие товар из Турции и иных стран, где «барахло» стоило копейки, а здесь при перепродаже счёт уже шёл на рубли, и несколько сзади девочка шести - семилетнего возраста, с полным рюкзачком за плечами и с загруженным доверху пластиковым пакетом в правой руке.левой рукой она держалась за ручку сумки, буквально тащась, судя по всему, за своей матерью. Шебаршание башмачков девочки учитель и принял за старушечье.

Жалость к этой парочке охватила Щенникова при виде столь грустной картины. Не задумываясь, он вскочил со скамейки и рванулся навстречу им, на последнем дыхании переставлявшим ноги. Не спрашивая разрешения, он вырвал из рук женщины сумки и понёс их к своей скамеечке.

- Что же Вы не жалеете-то себя? Да и ребёнка мучаете? - спросил он у растерявшейся от неожиданности мамыши.

Горестная улыбка тронула её по деревенски красивое лицо, она тяжело вздохнула, взяла пакет у девчушки, и лишь тогда ответила: «А что делать? Разве я виновата, что жизнь такая настала и приходится использовать все доступные средства как для заработка, так и для более дешёвой покупки вещей для себя и доченьки. Ведь мне одной приходится поднимать её. Да и сама-то я ведь далеко ещё не старуха. Не так ли? - вновь устало, но приветливо, улыбнулась она Алексею Михайловичу, - Поймите меня правильно, приодеться, навести красоту ведь мне тоже ох как хочется, да и пожить безбедно нам с Алёнкой не мешало бы. Вот и крутимся - вертимся, используем любую возможность для заработка».

- Насчёт красоты Вы явно прибедняетесь. Вы и так просто прелесть. Куда ещё больше-то? И так любо-дорого на Вас глядеть.

- Не преувеличивайте, и не вгоняйте меня в краску.

- Хорошо, больше комплименты Вам дарить не буду, но от вопросов не откажусь. Итак, откуда же это вы возвращаетесь? Не из солнечной ли Турции, случайно?

- К великому сожалению, нет. Всего лишь из областного центра. Два часа тому назад прибыли на московском поезде, ждали на вокзале, когда откроется автостанция. А потом в окно увидели Вас и побрели на автобус. Наш вояж местного значения. Ни Турция, ни Болгария, увы, нам не по карману. Подвернулась от отдела образования командировка в губернский город за наглядными пособиями, кое-какими учебными принадлежностями, да иными школьными мелочами, вот и совместили мы с Алёнушкой приятное с полезным. Кое-что прикупили и для себя, да и заказы наших односельчанок выполнили, не бескорыстно, конечно, но, во всяком случае, и им дешевле обойдётся, чем у

городских заезжих спекулянтов покупать. Да и разнообразие тех же «тряпок» немаловажно. Выбирали, старались. Не всей же деревне в одинаковом ходить.

Простой, произвольный, откровенный разговор, который обычно завязывался в дороге между двумя попутчиками, потёк-полился и здесь, на пристанционной скамейке. Воистину, встретились два добрых по натуре человека, оба с нелёгкими судьбами.

- А дальше вам куда? - глянув в упор на всё ещё прихорашивавшуюся «молодку», прямо на глазах превращавшуюся из гадкого утёнка, коим она показалась ему первоначально, ещё на пути к автостанции, в распрекрасную птицу лебедь, - спросил Щенников.

- А дальше - до Молокши на автобусе, а там как-то в Керженец надо будет попадать, в нашу малокомплектную школу, где мы работаем вдвоём: учительница и я. Я, кстати, и техничка, и завхоз, и истопник, и сторож. Наверное, что-то ещё забыла. А платят-то всего одну ставочку. Столь мизерную, что еле-еле концы с концами мы с Алёнушкой сводим. Да и эта «лавочка» у нас, наверное, скоро закроется. Нынче набралось всего одиннадцать учеников: две первоклашки, один второклассник, да по четыре школяра в третьем, да в четвёртом классах. На следующий год только одна моя ненаглядная доченька первоклассницей будет. Школу закроют, скорей всего через год, а до ближайшей, что в Молокше - 25 километров будет. И что нам делать тогда? Жилья своего у нас нет, ютимся пока с ней, негласно, при школе, в одном из освободившихся от учеников классе. Школу ликвидируют, а нас, естественно, оттуда выселят. Работы тоже не будет. Год ещё протянемся, а там что? А там - полная неизвестность.

Изливать душу перед незнакомым человеком, особенно в дороге, - это чуть ли не национальная наша традиция. Поделиться своими бедами и горестями, значит снять с сердца накопившуюся тяжесть. А если ещё собеседник попадёт внимательный и полностью сочувствующий тебе, то разговору не будет конца. Щенников как раз и был таким человеком, который умел слушать и умел поддержать, сказывалось, по-видимому, влияние его профессии.

- Да, перспективочка-то у вас никудышная. А если к родне податься? - по-прежнему внимательно, не отрываясь, разглядывая нисколечко не стесняясь, незнакомку, чья истинно русская, сельская красота, неожиданно открывшаяся перед ним, всё более и более пленяла его, сочувственно то ли посоветовал, то ли спросил он.

- Некуда нам ехать. У моих родителей в Липецкой области ещё четверо моих братьев и сестёр, что моложе меня. Двое уже своими семьями живут-бедствуют, а самые младшие при родителях в избёнке пять на шесть метров кантуются. Им и без нас тесно. С работой там тоже проблема, как и везде в сельской местности. Колхозы развалились, а фермеры в чужой рабочей силе и вовсе не нуждаются, сами с детишками своими со всеми работами справляются. Тем более, что их-то, фермеров трое на всю деревню. Пока жив был муж, мы в Керженце не бедствовали. Я по приезду сюда сразу же техничкой в школу устроилась. Он - у частника на тракторе неплохо зарабатывал. Жили мы, как и сейчас при школе. Два года, как Алёнушкиного папы уже нет, сбила его машина

по пьяной лавочке на дороге. Шёл изрядно «датенький» с шабашки из соседней деревни. А уж как под колёса машины попал - одному Богу известно. Заработанных на стороне денег, во всяком случае, при нём не нашли. Значит, не просто так, не случайно погиб. А вообще-то он сиротою был. Родители его рано умерли. Всё детство жил у дальней родственницы, у которой и своя-то семья была мал мала меньше. Школу заканчивал уже в Молокше, потом поступил в ПТУ, выучился на тракториста. А там и армия подросла. Служил он в наших, липецких, краях, их часть на «точке» стояла. Там и познакомились. Через полтора года демобилизовался и увёз меня в свой Керженец. А дальше Вы уже Всё знаете. Теперь вот мы дожились, в общем-то, до тюки...

Скрипнув тормозами, возле них остановилась ВАЗ-«шестёрка».

- Алексей Михайлович, домой? Автобуса ждёшь?

- Да, Сергей Петрович, ожидаем вот втроём. Автостанцию пока не открыли прохлаждаемся на свежачке.

- Забудь про автобус, со мной поедешь. Через полчаса посажу свою благоверную на читинский поезд, она у меня к сыну в гости в Москву намылилась, и поедет с тобой восвояси.

- Нас ведь трое, Сергей, места-то всем хватит?

- Какой разговор, я ж обратно один еду. Кстати, это ты не с «Белокурихи» ли гостей-то везёшь?

- Се-рё-жа, не шути так плоско, и девушек незнакомых не обижай своими намёками. Они у меня скромные, конечно, но гордые. Так что будь с ними по-серьёзнее и добрее, во всяком случае - поосторожнее.

- Понял, понял, без вопросов. В общем, ждите.

«Жигулёнок» скатился под горку к вокзалу и там припарковался.

- Ну, Алексей Михайлович, Вы уж за нас всё решили, как-то даже неудобно получается. Мы же с Вами совершенно незнакомы, а Вы уже нами как своими рабынями распоряжаетесь. Нехорошо это. Делаете нас обязанными перед Вами. Мы и на автобусе неплохо доберёмся. Зачем Вас утруждать? Да и перед Сергеем Петровичем тоже неловко как-то. У него может свои планы на эту поездку намечены, а тут мы вмешиваемся...

- Какие у Серёжи Конькова могут быть планы? Проводит жену и свободен. Уж я-то его хорошо знаю, столько лет в соседях в Молокше живём. Кстати, оба в школе работаем, я - географ, он - историк. Я ж вам с дочей по доброте своей помочь хочу, а Вы меня в чём-то нехорошем обвинить хотите. Не надо меня обижать, я и так уж жизнью обижен, хуже некуда. А то, что не знакомы, так это ещё, как сказать. Меня, Вы уже слышали, Алексеем Петровичем кличут, доченька Ваша - Алёнушка. Осталось только Вам представиться и всё, вопрос будет исчерпан. Фамилии друг друга нам пока знать не обязательно, так что слово за Вами.

- А я - Елизавета Григорьевна, - улыбнулась с наметившимся доверием к Сергею Алёнкина мама.

- Лиза, Лиза, Лизавета, не дождусь от Вас ответа, - пропел с чудаковатой улыбкой Щенников, - вот теперь, с этого момента, мы с вами хорошие, добрые знакомые. Правда ведь, Алёнушка? А может и друзья. Будем дружить, Алёна? -

всё больше и больше распялся Алексей Михайлович, а в голове его вертелась одна лишь мысль, как бы излишне не навязываясь, максимально помочь своим попутчицам.

- Я согласна, дядя Алексей, и мама тоже. Она у меня добрая, хорошая!

- В таком случае на сегодня Вы попадаете в моё полное распоряжение. Подчиняться мне будете, как в армии, беспрекословно. И никаких пререканий. Всем всё ясно? Вопросы есть? Понял, вопросов нет. Ну, вот и хорошо, - залпом выпалил он, а у самого аж на душе защипало, что малышка назвала его дядей Алексеем, значит сумел как-то расположить её к себе. Скорее всего лёгким своим характером и простотой в общении. На смену первоначальным жалости и сочувствию, похоже уже уходящим, в душе его стало пробуждаться новое чувство - сострадание.

- Сострадание, сострадание, что же это такое, - размышлял - вспоминал педагог. - Кажется Виктор Гюго писал: «Подлинное сострадание заключается в том, чтобы не касаться больного места человека, когда он страдает». - Сумею ли я так, как выразился французский писатель, им, маме с дочкой, что-нибудь доброе сделать, как-то незаметно помочь, не обидев их при этом своим неожиданным вторжением в их жизнь?

- Какой же Вы коммуникабельный, добрый и весёлый человек. Со всеми, наверное, легко сходитесь?- игриво улыбаясь, спросила Елизавета.

- Практически да. Бывают, правда, исключения, но редкие. Это когда встретится какой-нибудь зацикленный бука, или лишённый чувства юмора человек, или некая подозрительная личность.

- Жене, наверное, с Вами легко живётся?

- К сожалению, жена у меня умерла. Да, да, умерла, увидев недоумение на лице Елизаветы, повторил Сергей - два года тому назад. Не выдержало сердце, когда из «горячей точки» привезли сослуживцы убитого сына, единственного нашего сынишку. С полгода всего протянула после этого она, сгорела-истаяла прямо на глазах. А сын даже женат не был. Так что я с того времени круглый сирота, совершенно никому не нужный, чужой для всех человек. Во мне после всех этих передрыг какой-то надлом случился. Начали разные болезни - недуги привязываться. Нынче в январе пришлось даже операцию в областной больнице делать. Сердечко забарахлило. Говорят, от тоски это, от одиночества. Там же предложили в Белокуриху съездить. Здравница на Алтае хорошая. Съездил, отдохнул прекрасно, оттуда сейчас и возвращаюсь. Чувствую себя хорошо, как будто заново родился.

- Ой, извините меня, пожалуйста, ради Бога, извините, не хотела Вам причинить боль. У Вас такое горе, а я, беспардонно, со своим вопросом сунулась. Что я наделала?

- Не корите себя попусту. В чём Вы видите вину-то свою? Вы ж не могли этого знать. Не нужно извиняться.

- Всегда вот так, бывает, ляпну что-нибудь не подумав, а потом за голову хватаюсь. Во истину, язык мой - враг мой.

- Всё-всё-всё, вопрос закрыт, - замахал руками Щенников, а то ещё разрыдаемса тут втроём, на глазах у людей. Серёжа с ума сойдёт, увидев нас в

таком состоянии.

* * *

Как ни протестовала Елизавета Григорьевна, Сергей Петрович сам перенёс и уложил всю поклажу в багажник.

- Алексею Михайловичу после операции таскать тяжести не резон, да и женщин жалеть надо. А от меня не убудет, эвон бугай я какой. Пожалуй, на мне и пахать ещё можно, - отшутился водитель. - Располагайтесь поудобнее, и в путь.

- Надолго жену-то отпустил?

- Недельки на три. Внук приболел, а оставить его не с кем. Возьмёшь больничный, тотчас же с работы попрут. Там, в Москве, с этим делом очень строго. Для работодателей теперь уважительных причин не бывает.

- Да, Серёженька, ты прав. Времена сейчас жёсткие наступили, даже можно сказать - жестокие. Совершенно перестали с нашим братом, с рядовыми, считаться. Заметно это стало и на периферии. Взять хотя бы наши школы... Да что говорить, на ваших же глазах этот бардак с оптимизацией происходит. С Запада берём всё плохое, а своё, отечественное, хорошее, гробим. Ведь в СССР система образования была одна из лучших в Мире. А теперь, что? Взять, к примеру, Серёжа, твою же историю. Пять учебников издано и все противоречат друг другу. А по какому из них учить школяров? Ответа никто не даёт... И так во всём. Да что говорить, капитализм какой-то дикий выстраиваем...

- Брось, Алёша, душу травить, поехали. С Богом, и ветерком! По асфальту я быстро вас домчу, - подмигнул он Лизе. - товарищ географ, куда вас везти?

- Меня в Молокше у дома высадить, а мамочку с дочуркой потом до Керженца довезёшь. А когда вернёшься оттуда, позвонишь мне, что задание выполнено. Вопросы есть? Молчание - знак согласия. Значит вопросов нет.

- Как нет! - возмутилась Елизавета Григорьевна, - а Вы Сергея Петровича, да и нас-то с Алёнкой спросили? Может у нас дела какие-то в Молокше имеются. Да и с какой стати Вы Сергеем Петровичем так безапелляционно командуете? У него ведь и свои дела, наверное, на сегодня были намечены?

- Ну, что, Алексей Михайлович, Схлопотал по полной программе? - рассмеялся Сергей. - Ишь, рабовладелец какой выискался! Государство ругает, а сам туда же. Ату его! А можно и по шее тюкнуть. Как женщины на это смотрят?

- Я - положительно, - сквозь лёгкий смех ответила старшая попутчица. А вот Алёнка заснула и её мнение нам не суждено узнать. Можно и стукнуть его разочек, для профилактики, а то совсем распоясался, видать отдых в санатории ему на пользу пошёл. Правда легонечко шлёпнуть, как ребёнка, чтобы не повредить здоровью, кое он приобрёл или восстановил на курорте.

- Bravo, мадам, bravo! Вот это женщина! Сразу видно, в её доме всегда полный порядок. У неё, брат, видимо, лишний раз не пикнешь, загонит ниже плинтуса любого. Кстати, Алёша, ты бы хоть познакомил нас, а то я как-то неудобно себя чувствую. Вроде компания весёлая и добрая собралась, а как звать-величать друг друга - не знаем.

- Перебьёшься! Отбить её у меня хочешь? Не по-зво-лю! - от всей души

расхохотался Щенников.

- Тсс, спит же дочурка, - полушёпотом промолвила мамочка. С вами, однако, не соскучишься, весёлые Вы ребята, даже завидки берут. А зовут меня Елизавета Григорьевна. А Вас, я слышала, - Сергеем Петровичем кличут?

- Це так, це так. Но для друзей я просто Сергей. И Вам, как подруге моего друга, тоже разрешаю звать меня по-простому. А в соответствии с этим же самым правилом, я Вас буду называть Лизой. Идёт? Тем более, что Вы, дорогая Елизавета, моложе нас, этак лет на десять будете. Не так ли?

- Согласна вполне. Только тут одно «но» имеется. Никакая я ему не подруга. Мы с Алексеем Михайловичем знакомы всего-то неполных два часа.

- Ух, ты! А у меня сложилось мнение, что вы давно знаете друг друга. Так гармонично вы на автостанции смотрелись. Глаз друг от друга не отрывали. Я ещё подумал, как он мог скрывать от меня такую красавицу.

- Се-рё-жа, последнее тебе китайское предупреждение. Не ёрничай!

- А то что будет?

- А будет то, что мы выйдем из твоей машины и будем ждать автобуса. И это будет тебе высшей мерой наказания. Ибо совесть тебя в конце концов замучает. А если не замучает, то - дружба врозь. А, вообще-то, Лиза, не принимай мои к нему угрозы всерьёз, мы так всегда с ним шутим. Без лёгкого не обидного юморка, жизнь бы намного тяжелее и скучнее была. Нельзя всё время в миноре находиться, должен же быть и позитив хоть какой-то, а иначе и жить ни к чему.

- Я, конечно, не обиделся, грешно на друга злиться, но если всё-таки предупреждение серьёзное, Алёша, то я буду молчать до самой Молокши. Благо и ехать-то осталось всего минут десять, не более.

* * *

- Ну, вот, Лиза, мы прибыли в славное село Молокша, знаменитое своим липовым мёдом, и тем, что живут в нём два чудака-разгильдяя, то есть мы с Алёшей! - снова съюморил, не удержавшись, Сергей Петрович. - Значит так, Алексей, забирай свою сумку, бери Елизавету и Алёну под руки, веди к себе, напои их чаем, а я в это время съезжу к Корнееву. Мы с ним договорились сделать кое-какой ремонт в нашей квартире, пока у меня супруга в отъезде. Обговорим с ним все детали, чтобы завтра с утра нам и начать эту тягомотину. На всё про всё у нас уйдёт не более часа, так что Елизавету Григорьевну я нисколько не задержу и домой её доставлю ещё засветло. Кстати, Алексей, если у тебя есть свободное время, я и от твоей помощи завтра не откажусь. Благо, ты теперь мне обязан до гроба. Шучу-шучу, Лиза, не обижайся, это мы, любя, таким образом друг на друга «наезжаем». У нас, я уже тебя предупреждал, шутки особенные, этакие несерьёзно-серьёзные...

-Се-рё-жа!

- Всё-всё-всё, Бога ради, только не бейте меня за столь тупое острословие, уезжаю, уезжаю, уезжаю...

Нести сумку Щенникова и открывать квартиру пришлось Елизавете Григорьевне. Разоспавшуюся в машине Алёну Алексей Михайлович вынес на

руках, с трудом преодолев два лестничных марша. Годы берут своё, да и здоровьице-то у него уже не то. Запыхавшись, внёс он девочку в гостиную, бережно положил её на диван, подложив под голову вышитую думку.

- Уфф, с непривычки-то девочка мне столь тяжёлой показалась, что пока нёс, всего лишь одна мысль в голове вертелась, только бы её не уронить.

- Алексей Петрович, у Вас же сердце больное, а Вы..., Вы нисколько о себе не думаете, такую нагрузку организму задаёте. Нельзя же так!

- Елизавета Григорьевна, что же Вы меня как маленького жалеете. Я же мужик, в конце-то концов, а не рохля какой-то беспомощный. И прошу, не называйте меня больше больным. Извините, но это меня унижает в Ваших же глазах. Я вполне здоров, недуг мой позади, только что укрепил своё здоровье в «Белокурихе», не перегружаю себя тяжёлой работой. Да и, вообще, чувствую себя превосходно. А то, что устал, так это нормальное явление. Все люди устают, и я не исключение. Не будем больше поднимать эту тему. Ладно? А теперь..., а теперь, дорогая моя попутчица, отправляйтесь на кухню, вскипятите чайник, приготовьте заварочку покрепче, а я той порой сбегая в гастроном. Дома-то у меня, сами видите, хоть шаром покати, перед отъездом ничего не закупал, не было нужды в этом.

Вернувшись из магазина, выкладывая на стол продукты, он невольно залюбовался тем, как гостья, стоя к нему спиной, как истинная хозяйка дома, бережно перемывала под краном запыхавшуюся в буфете посуду, необходимую для чаепития. Защемило сердце, казалось вот-вот выступят слёзы умиления от вида этой картины. Как он истосковался по этим добрым мягким женским рукам, создающим уют в доме! Неожиданно для самого себя, как-то непроизвольно, совершенно не контролируя свои действия, тем более нисколечко не задумываясь о их последствиях, Щенников подошёл к Лизе сзади, приобнял её за плечи и прошептал: «Хозяюшка ты моя!».

- Что Вы себе позволяете? Вы специально меня сюда затащили, чтобы... чтобы...? Решили воспользоваться моей беззащитностью и слабостью? Вы полагаете, что Вам всё дозволено, находясь в своей квартире? Так вот, имейте в виду, за себя я постоять сумею...

Ответная её реакция была столь неожиданной, столь резкой, что он невольно отскочил от гостьи, закрыв на всякий случай лицо руками, во избежание возможной пощёчины, или ещё чего хуже... Гневный взгляд её не предвещал ничего хорошего гостеприимному хозяину. Ошарашенный всем случившимся, Алексей Михайлович долго приходил в себя. Затем весьма нерешительно, всё ещё опасаясь ответных Елизаветиных действий, глядя ей прямо в глаза, полушёпотом начал оправдываться.

- Лиза, Вы совершенно неправильно меня поняли. У меня и в мыслях ничего такого, похабного, не было. Да, я сорвался, сам не понимаю, как это случилось. Затмение на меня какое-то нашло, потерял контроль над собой. Но, войдите в моё положение, столько времени в холостяках хожу, всё один да один. Квартира по сути в казарму превратилась, неуютно стало в ней. А тут, увидел, как Вы посуду моете, не знаю, но что-то переломилось во мне. На душе так приятно стало, а сердце столь радостно застучало-затрепыхалось, что от

нахлынувших эмоций, не помня и не понимая себя, обнял Вас. Просто не смог сдержаться. Простите, если сможете. Не сердитесь, Бога ради, не сердитесь. Больше к Вам не приближусь. Будьте Алёнку и давайте пить чай. Вот-вот Сергей подъедет.

После чая, Алёна, проспавшая всё время конфликта, не видевшая и не слышавшая ничего, взяв за руку Щенникова, стала водить его по квартире, расспрашивая обо всём, что попадалось ей на глаза. Вопросы: «Что?, где?, когда?, откуда?, куда?, зачем?» так и сыпались из её рта, как из рога изобилия. Отвечая ребёнку, Алексей постепенно приходил в себя. Лиза же минут десять ещё сидела облокотившись за столом, кулачками подперев голову, потом поднялась и направилась к злополучной мойке. Когда первая заблиставшая чистотой чашка была водворена на место, Алексей воспрял духом: «Кажется простила, слава Богу, неужели про-сти-ла...»

Расставание получилось несколько натянутым, с минимумом слов и максимумом жестов. Оба понимали, что возможно расстанутся навсегда, но первого шага к полному примирению никто сделать не смог, а может не захотел, «боясь потерять свой авторитет». Вот она какая, русская загадочная душа! Оба понимали, что возможно теряют друг друга, что могут больше никогда не увидеться, при этом, оба жалеют, что это может произойти с большей долей вероятности, но то ли гордость, а точнее гордыня, то ли ещё что-то другое не позволяли ни ему, ни ей сделать первому или первой этот необходимый для обоих шаг к примирению. Возможно, мешало этому присутствие Сергея.

* * *

Обескураженный случившимся, Щенников долго ходил из угла в угол по гостиной. Разные мысли лезли в голову: «Может и к лучшему, что всё так закончилось? Случайная встреча. Ну, помогли ей с Сергеем. Так это, по-нашему, по-джентльменски, любой уважающий себя мужчина должен был так, а не иначе, поступить. То, что схлопотал от неё в моральном плане, так сам виноват: не протягивай руки. Находясь в своей квартире, веди себя с гостями корректно, тем более, со случайными гостями, которым ты действительно хочешь помочь. Но всё-таки досада, вызванная пока непонятно чем, возможно, «поражением», которого он никак не ожидал, или крахом каких-то только-только в нём нарождавшихся надежд на счастливое будущее, занозой сидевшая в его сознании, не давала ему покоя. Вот тебе и жалость, вот тебе и сочувствие, вот тебе и сострадание - три в одном флаконе... Были в тебе эти чувства по отношению к ним? - Да, были. Останутся? - Какое-то время -да. Хотя, может быть и надолго. Во всяком случае, после всего случившегося, возникнет ещё одно чувство - страдание. Вот оно-то, похоже, вселится в меня надолго, если не принять каких-то экстренных мер».

- Потерял, да-да-да, по-те-рял..., даже не успев приобрести. Будет теперь на сердце шрамик небольшой, - с такой мыслью он прилёг на диван, где ещё совсем недавно спала Алёнушка, и неожиданно для себя почти сразу же заснул.

Проснулся Алексей от хлопка входной двери. В квартиру вошёл, точнее ворвался Сергей. Не снимая обуви, чересчур взбудораженный, прошёл в

гостиную, поставил у дивана пластиковый пакет.

- Объясни, что у вас с Лизой случилось, пока я ездил к Корнееву? Обидел её чем-нибудь? А то ничего не могу понять. Привёз я их в Керженец, прямо к дверям школы подъехал, как она просила, выгрузил сумки, хотел занести их в здание. Она не дала мне этого сделать, сказав, что сама справится. Тут же попыталась дать мне деньги, мол, это за проезд. Я, естественно, отказался. Она мне засунула их в кармашек жилетки, подхватила сумки, и, что меня поразило больше всего, даже не попрощавшись, исчезла за дверями. На моё счастье задержалась Алёна. Пока она надевала свой рюкзачок и брала пакет, я эти деньги положил ей в карман ветровки, сказав, чтобы она отдала их маме. Сам же быстрехонько за руль и дал тягу. Уже выехав на дорогу увидел, как Лиза выскочила на крылечко, замахала мне рукой, в которой были деньги, чтобы я остановился... К слову сказать, всю дорогу от Молокши до Керженца она молчала, а я, почуяв что-то неладное, чувствуя её скверное настроение и видя её подавленный вид, тоже не стал заморачиваться, также не проронил ни слова.

- Просто я, Серёжа, по-видимому, заигрался в благородство, и на радостях, что хоть чем-то помогаю попавшему в нужду человеку, и что помощь мою принимают, преступил ту грань, которую ни в коем случае не должен был переходить. И вот теперь я наказан. За что? - не пойму. За то, что порадовался за себя, что удача в кои-то веки стала ко мне благосклонной? За это? Эх-ма, судьба, видимо, моя такая, горькая - прегорькая. Только что счастье в руках держал, да вот - похоже выпустил.

Поведав Сергею о случившемся в его отсутствие, Алексей горестно вздохнул, поднялся с дивана: «Пойдём-ка лучше чаю попьём, да поговорим-посоветуемся, как дальше мне быть, что предпринять».

- Вижу я, сегодняшнее знакомство зацепило тебя основательно. Да и Лизу, судя по её поведению, тоже. Что ж, пойдём на кухню, посидим, побалакаем, помаракуем, как у нас принято говорить. Я, по случаю, и бутылочку коньяка прихватил, твоего любимого, армянского пятизвёздочного. Чувствовал, что тебе тяжковато сейчас приходится. А без бутылки в таких случаях - не разобраться.

- Что думаешь делать? - после пары рюмочек спросил Сергей. - Тут главное, не спешить, не торопиться, сам знаешь - время лечит. Если это у тебя только жалость к ней возникла, она пройдёт. Обездоленных сейчас море, всех не пережалеешь. Это одно. Другое дело - сочувствие. Опять же, если сочувствуешь, то помоги, чем можешь, чем считаешь нужным. Только здесь есть одно «но». А примет ли она твою помощь? Прямо из твоих рук - нет, не примет. Она воспримет это как подачку, данную тобой из жалости. Да, она бедная. Да она обездоленная. Но, как и все женщины - гордая. Здесь тебе ничего не светит. А как помочь ей, и в дальнейшем помогать, причём делать так, чтобы она не догадалась, что эта помощь исходит именно от тебя, я не знаю. Сделать это будет оч-чень трудно, женщины весьма и весьма чувствительны к таким проявлениям заботы о них и помощи. К тому же, вычислить тебя она легко сможет. А это, с огромной вероятностью, обернётся для тебя ещё большими неприятностями. А может даже и разрывом с ними навсегда. Имей это в виду. Это самый сложный, самый серьёзный вопрос, который надо очень хорошо, очень

тщательно продумать. С кондачка тут не возьмёшь. Самое главное, нужно делать всё так, чтобы её не обидеть.

- Прекрасно тебя понимаю. Тут нужно ещё разбираться и разбираться. Во мне, по-моему, на неё обида жуткая затаилась. Отчитала, видишь ли, меня, горемычного, как мальчишку, за тот проступок. А я и губы сразу надул. Ты прав, ни в коем случае спешить не надо, иначе наломаю дров. Сам понимаю, время лечит. Надо успокоиться, подождать недельку, две, а то и три, а там и видно будет, к какому берегу плыть. А, вообще-то, как мне кажется, дорогой мой Серёжа, у меня к ней новое чувство народилось, ещё там, в Челёме, на автостанции. Нет, это не жалость, не сочувствие, это скорее всего - сострадание. Это я сейчас окончательно понял.

Выпили ещё по рюмочке, угостились лимончиком.

- Сострадание, Алёша, это по-моему, всё же талант. Оно или дано конкретному лицу, или нет его у него и быть не может. Причём этот талант особый. Без него трудно оставаться человеком. Сочувствуя кому-то, мы как бы вселяемся в его душевное состояние или в его душу. При этом как бы мы выселяемся из самих себя...

- Что-то уж больно витиевато ты говоришь, Серёжа. Не совсем понятно. Ещё без одной рюмки тут не обойтись. Философия у тебя сплошная. Тут, наверное, перевод нужен: с твоего русского, на мой русский, - рассмеялся Щенников.

- Что ж, давай ещё по одной, не помешает, пожалуй.

- У-х-х, хорошо-то как! Спасибо тебе, Серёжа. Вовремя ты меня успокоил. Легче на душе стало. Оптимизма добавилось. Чувствую, не всё ещё потеряно. Я за них ещё поборюсь-повоюю.

- Стоп-стоп-стоп. По-моему тут уж вовсе не состраданием, а любовью пахнет... Вот тебе раз! Похоже это у тебя любовь с первого взгляда! Да-а-а, не ожидал от тебя такого, старик. Хотя, честно говоря, какой у нас с тобой ещё возраст? Пару лет до полтинника тянуть надо. Вся жизнь впереди. А может она, жизнь-то, только ещё у тебя начинается? Как будто специально для тебя выразился наш любимый классик: «Любви все возрасты покорны...». А? Да-а, похоже, мил человек, холостяцкая жизнь у тебя скоро кончится. А вообще-то интересная тенденция, дорогой мой, прослеживается: жалость, сочувствие, сострадание, любовь к Елизавете. И, что весьма любопытно, все эти этапы ты прошёл в течение одного дня. Ты сам-то хоть всему случившемуся веришь? Просто у тебя какой-то камбэк происходит. Ты был счастлив со своей семьёй. Затем - страшная потеря, и ты одинок. А теперь появляется новая возможность вновь обрести семейное счастье.

- Не загадывай, Серёжа. Рано ещё об этом думать. Пока о камбэке говорить ещё рано. Столько терний мне предстоит преодолеть, чтобы восстановить для начала статус-кво в наших с ней отношениях. И почему-то мне кажется, что первые шаги навстречу друг к другу поможет нам сделать Алёнушка. Дети в таких делах оказываются мудрее и умнее взрослых, совершенно не осознавая этого. Ими движет только любовь к ближним и желание им счастья. Но больше всего сейчас меня беспокоит дефицит отпущенного мне времени. С июня

следующего года её школа закрывается. Это уже вопрос решённый. То есть, Лиза сейчас находится на переломе, на перепутье, в раздумьи. Она будет рассматривать любые варианты того, как дальше жить. А вдруг подвернётся какой-нибудь женишок, и она от отчаяния, или от безысходности выйдет за него замуж? И где гарантия, что всё сложится для неё в этом браке удачно? Ну, что ты будешь делать, опять жалость во мне заговорила. Эх, Лиза, Лиза, Лизавета...

- Ну, вот, называется, поговорили, - занервничал Сергей, - круг прошли и опять к жалости вернулись. Мыло, да мочало - начинай сначала? Успокойся, Лёша, успокойся. На сим, пожалуй, и закончим на сегодня нашу беседу. Утро вечера мудренее. Будет день, будет и пища для дальнейших размышлений. Отдыхай, дорогой. А завтра пораньше приходи ко мне. Поможешь обоим клеить. А так как головы не будут заняты при этом деле, будем думать. Ум, как говорится, хорошо, а два лучше. Общими усилиями что-нибудь да и решим. Вопросы есть? - Вопросов нет. Так ты, кажется, любишь закругляться в разговорах?

* * *

Разбирая покупки для односельчан, Лиза к каждой вещи прикладывала бумажки с фамилией и ценой.

- Завтра я займусь капитальной уборкой в школе, - сказала она Алёне, - так как на послезавтра намечена приёмка её к новому учебному году, а тебе с утра предстоит пройтись по домам заказчиков, отдать покупки и взять, если дадут тебе, деньги. Вернёшься - будешь мне помогать. Работы очень много. А потом, вместе с Ириной Васильевной разложим, расставим и развесим все наглядные пособия. И на этом всё, будем ждать 1 сентября.

Алёнка заметила, что весь вечер мать была какая-то расстроенная, задумчивая. - Это, наверное, от усталости, - подумала она и попыталась хоть как-то развлечь её.

- Мама, смотри какого мне стеклянного козлёночка дядя Лёша подарил.

- Как подарил? Ты не сама его взяла? А почему мне не сказала?

- Когда он мне свою квартиру показывал, я на комод этого козлика и увидела. Попросила показать. А он сразу спросил: «Понравился?». Я кивнула головой. Тогда он сказал: «Дарю тебе его в связи с нашим знакомством с тобой, чтобы ты меня никогда-никогда не забывала. Когда грустно будет тебе, возьмёшь его, погладишь и сразу меня вспомнишь. Тотчас же грусть-тоска уйдёт от тебя навсегда. И будешь такой же весёлой, такой же доброй и хорошей, как я сейчас».

- А почему мне-то о подарке ничего не сказала? Как-то некрасиво, Алёна, получилось.

- Так он же сам не велел тебе говорить. Сказал, чтобы я тебе козлика показала уже дома, в Керженце. Мама, а ведь дядя Лёша очень хороший? Мне он очень понравился. И дядя Серёжа тоже хороший, даже денег за проезд не взял. А ты меня за это отругала. Я ни сколечки не виновата. Ведь он же сам мне денежки в карман положил.

- Ладно, доченька, забудем всё плохое, что сегодня случилось, и будем

думать только о хорошем. А, вообще-то, давай - ка лучше спать, завтра нам с тобой рано вставать, работы много. Да и устали мы обе в этой поездке.

- Mamочka, a разве у нас с тобой что-то плохое сегодня случилось? Мне кажется весь день с самого утра был отличным. Мы познакомились с хорошими людьми, они нам очень помогли. И что в том плохого?

- Всё хорошо, Алёнушка, всё прекрасно, моя любимая. Просто я оговорилась. Это, видимо, от усталости у меня голова разболелась, вот и хандрю...

Ночью Алёна проснулась от маминых всхлипов.

- Mamочka, что с тобой? У тебя что, головушка болит? - подбежала она к маминой кровати. Пусти меня к себе, мне страшно.

- Ничего, милая доченька, просто я очень сильно устала, в висках как бы молоточки стучат, и мне что-то очень взгрустнулось.

- Не плачь, мамуля, я тебя очень-очень люблю. Ты у меня самая хорошая!

- Спи, Алёнушка, спи моя радость, - обняла и прижала к себе дочку Лиза.

Приёмка школы к новому учебному году прошла успешно. Серьёзных огрехов обнаружено не было. А мелочи, как известно, они походя устраняются. Председательствующей была сама Ольга Николаевна - заведующая отделом образования. Уже за чаепитием она проинформировала, что вопрос по школе решён окончательно. Она будет работать последний год. Что касается дальнейшего трудоустройства работников, то вопрос по Ирине Васильевне остро не стоит. Есть варианты, перевести её в Немду или Иванчиху, там и там работают учителя-пенсионеры, которые ждут не дождутся себе замены. Начальные классы в тех школах детьми полностью укомплектованы. С жильём проблемы не будет. Если что-то не устроит, то с трудоустройством поможет областное управление, но уже за пределами нашего района. Там вариантов гораздо больше. Елизавете Григорьевне отдел образования ничем помочь не сможет. На том и расстались.

После обеда Лиза с дочкой пошли в лес за грибами. Год грибной, а народу в округе совсем мало. Быстро управились, набрав по корзинке. Прошлись по черничнику, полностью заполнили ягодами полиэтиленовый пакет, пощипали недозрелой бруснички и засветло вернулись в деревню. Возле магазина им встретилась соседка, пенсионерка Варвара Васильевна.

- Ой, милая Лизонька, чё скажу-то тебе, иди, любушка, домой скорее, там тебя мужичок дожидается. Приехал к тебе на лошади из Мезенды. Это километров двенадцать отсюда будет, в самую глушь. Что ему надо, не знаю. Но, чудится мне, он свататься к тебе прибыл.

- Ох, и надоели мне эти сваты, тётя Варя. Глаза бы мои их не видели. Целый год дальнобойщик один цепляется. Он от Пахолкова пиломатериалы и кругляк в Самару возит. Как приедет, никакого проходу не даёт. Всё зовёт с собой, полюбил, говорит, тебя на всю жизнь. А у самого, наверное, в каждой деревне по «невесте». Да и не люб он мне, тётя Варя! Говорю ему об этом, а он всё равно не отстаёт, всё преследует, через Алёнку уж начал «клинья подбивать». Паша Воробьёв - пилорамщик, тоже глаза на меня пялит, да на

«дружбу» намекает. Ведь сосунок совсем, а туда же. Жена у него молодая, дитё недавно народилось. А уже на сторону заглядывается. Опять же егерь вдовый из Молокши - тоже привязался. Трое детишек у него. В мамке, говорит, нуждаются. Уважь, мол, хоть их, коль я не шибко тебе люб. А может и у нас потом с тобой стерпится-слюбится. Ну, не нужны они мне, как они этого не поймут-то? Я ведь не вещь им какая-то, не скотина безмолвная и не тряпка половая, чтобы ноги об меня вытирать... Я же человек, и сама любить хочу. Господи, теперь ещё один навязывается. Ясно, что и ему хозяйка нужна, да за детьми догляд. А обо мне у них, ни у одного, и думки нет. Им лишь бы себя уважить. А то, что мне самой полюбить охота, да жить в любви, до них это никак не доходит. У них только одно их хозяйство на уме, да дети их сопливые.

- Смотри, Лизка, довыкобениваешься. Тот не люб, этот не мил. А ведь годы-то идут, да идут. Скоро уж, поди-ка сороковник тебе стукнет. Хватишься потом, а поезд-то твой и ушёл. Потом любому корявенькому мужичонку рада будешь, да увы, ты уж никому не нужной к тому времени окажешься. Подумай, хорошенько.

Мужичонка оказался столь зачуханным, столь замурзанным, что Лиза с ним и разговаривать не стала. Только спросила, что ему нужно, а получив ответ, указала на дверь.

Августовского районного педсовета Алексей Михайлович ждал с особым нетерпением. Ему хотелось переговорить с Ириной Васильевной, узнать побольше о Елизавете: чем живёт и как живёт, какие её планы на будущее, что намеревается делать после закрытия школы, нуждается ли в чём? В общем, вопросов было много.

Получив обстоятельные ответы, Алексей Михайлович передал коробочку конфет «Ассорти» Ирине Васильевне: «Вручите, пожалуйста, от меня этот подарочек Алёнушке, если Вас, конечно, сие не затруднит».

- А кем они Вам приходятся? - спросила улыбаясь учительница.

- Просто скажите, что это дядя Лёша послал.

Особенно обеспокоили Щенникова сватовства к Елизавете «холостяков». Кто её знает, возьмёт, да и согласится она выйти замуж за какого-нибудь доброго, состоятельного молодца, коих в здешних местах вроде бы и не водится, но зато нередко околачиваются приезжие холостые средних лет покупатели местной древесины с тугими кошельками. И тогда крах всем его на неё надеждам. Этого он никак допустить не мог. Слишком дорога ему стала, особенно в последнее время, Елизавета Григорьевна. И, посему, надо было спешить.

Обсудив с Сергеем Петровичем сложившуюся ситуацию, решили, что медлить ни в коем случае нельзя, и что в первое же сентябрьское воскресенье следует ехать в Керженец.

- Для поездки нужен какой-то серьёзный повод, Серёжа. Просто так приехать и сказать: «Здрасьте, это мы, принимайте гостей!» - не слишком ли нагло с нашей стороны будет, а? Не так ли?

- Никакого повода искать-выдумывать не надо. Берём корзины и едем на

их бор за белыми грибами. Там, говорят, их выросло видимо-невидимо. Заедем к Елизавете, как бы разузнать, куда лучше податься, в каком направлении двигаться, чтобы побольше их набрать. А там уж по обстоятельствам будем действовать.

- Она же сразу поймёт, что тут дело нечистое. Ведь я живу один и куда, подумает, ему такая уйма грибов? Стноит ведь?

- Алексей, за грибы не переживай, у меня теща не то что две корзины, самосвал их сможет высушить. Если потребуется, так и объясним.

* * *

Запасаясь бутылкой шампанского, накупив сладостей и прихватив корзинки под грибы, «старички-разбойники» с утрачка пораньше покатали на Сергеевой «шестёрке» в Керженецкую начальную школу. Алексей Михайлович ехал туда, как на Голгофу. Как встретит их Елизавета? Чего ждать от неё? Какой к ней нужен сегодня подход? Как к ней «подъехать», чтобы просто, хотя бы для начала, помириться. Этот этап самый трудный, переломный. Кровь из носа, но именно сегодня нужно добиться от неё, Елизаветы, хоть каких-то позитивных действий, направленных на примирение. Самое главное - как начать диалог. И тут приходится уповать лишь на дипломатию своего друга, на его талант разруливать подобные ситуации.

- Вся надежда на тебя, Сергей, - с трудом выдавил из себя Алексей, когда машина въехала на школьную территорию. - Не подведи.

- Не горюй, мелкими-мелкими шажочками выправим дело. Если потребуется, подключим и Ирину Васильевну.

- Мама, мама, дядя Серёжа приехал! - увидев знакомую машину, побежала Алёна к притулившемуся с тыльной стороны здания школы небольшому огородику и стала звать Елизавету Григорьевну во двор. - И дядя Лёша тоже! - вновь раздался её звонкий голосок.

Гости остановились возле крыльца, держа в руках корзины, в одной из которых лежали свёрточки с гостинцами.

- Смотри, как девочка обрадовалась нашему приезду. Прямо вся сияет. А ты боялся, что они нам не рады будут, - шепнул Щенникову на ухо Коньков.

- Как сказать, как сказать, Алёна-то и рада, она обо мне ничего плохого не ведаёт, а вот об истинном гостеприимстве хозяйки мы сейчас с тобой и узнаем. Готовиться нужно к худшему. Нервы мои что-то совсем сдали, меня всего трясёт, как в лихорадке. Аж пот выступил. Вот это испытание нас ожидает, не думал, что со мною такое может случиться. Уфф, чёрт побери, знобит-то как, всего колотит. А ноги прямо ватными стали. Скорей бы вышла, что ли, может легче будет. Ты-то, Сергей, как себя чувствуешь?

- Я? - нормально. Не я же свататься-то приехал, чего мне трястись. Если и откажут, то не мне, а тебе, дорогой Алёшенька, - засмеялся Сергей.

- Какое сватовство? Ты в своём уме? Не смей и заикаться об этом. А то вылетим с тобой, как пробки, вот с этого крыльца. Ох, чувствую, опозорит она нас сейчас. Вот стыдоба-то будет. На всю округу ославимся.

- Во-первых, не нас, а тебя, если, конечно, опозорит, - вновь съязвил Сергей Петрович. А во-вторых, она такой пакости не сделает. Кричать, во всяком случае, на нас не будет. Я, в отличие от тебя, в её благородство верю. Не дрейфь, друг, она женщина порядочная, хотя и принадлежит к более низкому, как ты считаешь, сословию. А вот с этим-то у тебя возможна огромная проблема. Так что, когда будем разговор вести, старайся быть попроще. Не витийствуй, и не выкобенивайся, а иногда можешь и под дурачка сыграть, легонечко, конечно, не переусердствуй. Аккуратненько дай понять, что мы с тобой тоже выходцы из крестьянской среды, и картошку от редьки отличаем. Хотя, гляжу вот на тебя, а из тебя интеллигентность так и прёт. Как вот тут её замаскируешь?

Из-за угла школьного здания, с ведром картошки в руке, показалась Елизавета Григорьевна. Гости непроизвольно напряглись, вытянулись, как в бытность в армии на плацу, замерли, не сводя глаз с хозяйки. Время, пока она прошла разделявшие их метры, казалось тянулось вечность. Пристально глянув на педагогов, она, неожиданно для мужчин, рассмеялась, да так звонко и заливисто, что они непроизвольно начали разглядывать друг друга, не понимая, что так могло её рассмешить.

- Ой, господи, вы как те «Двое из ларца, одинаковых с лица» из мультика «Вовка в тридевятом царстве».

... ?

- Эх вы, педагоги, педагоги. Хоть вы и историк с географом, но мультфильмы-то знать должны, детей ведь обучаете.

- А причём тут двое из ларца? - спросил Алексей Михайлович.

- А вы посмотрите на себя повнимательнее: спортивные костюмы одинаковые, кроссовки - тоже, шапочки спортивные синие, фирмы «Адидас». Корзинки и те новые, одинаковые, не разу не пользованные. Да и лица ваши одинаково чем-то озабочены, правда ведь Алёнушка?

- Правда, правда, мамочка, они сегодня как двойняшки выглядят. И очень серьёзные, не как тогда.

Все рассмеялись.

- Во-первых, здравствуйте, Елизавета Григорьевна, и ты Алёна.

- Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогие. С чем пожаловали?

- Да вот, прознали, что у вас тут белых грибов многоросло, решили вылазку сделать. Захотелось по бору походить, целебным воздухом подышать, здоровья поднабраться. А заодно и вас с доченькой навестить-проведать. Гостинцев вот Алёнушке привезли.

- Что ж, проходите в наши хоромы, не стесняйтесь. Чайком вас с дороги напою. Варенье у меня своё, соседки хвалят. Думаю, и вам понравится. А не понравится - не обессудьте. Я понимаю, на вкус, на цвет товарищей нет.

- Не рано картошку-то копаете? У нас ведь, в Молокше, пока ещё никто и не начинал, - спросил Сергей.

- У меня уже отросла, я ведь рано сажу, по липецкому календарю. Там к Первомаю мы уже обычно посеvную на своих участках заканчивали. Да и место под огородом у меня сухое, высокое. Влага быстро уходит.

- А как урожай?

- Для нынешнего сухого лета - хороший, грех жаловаться, Бывали годы и похуже. Ну, давайте быстренько попьём чайку, вам в лес давно уж пора. Наши старушки подолгу не спят, могут до вас всё вынести.

- Доставай гостинцы, Алексей, - толкнул его в бок историк. - А вы с нами разве не пойдёте? - как-то заискивающе спросил Сергей Лизу. - Показали бы нам грибные места. А то ещё заплутаем, не дай Бог, и Вам придётся потом нас всей деревней разыскивать.

- Да тут и блудиться-то негде, бор невелик, километра четыре на четыре всего-то. Река с востока и севера лес огибают, с юга деревня наша, да дорога, что к вам ведёт. Так что не беспокойтесь, кружить вам не придётся. Себе грибов я уже запасла. Так что нет никакого резона мне в лес идти. Уж лучше я вам обед приготовлю.

* * *

- Ну, что, Алёша, похоже лёд тронулся. Такой груз с плеч долой. Приняла она нас, вроде бы, неплохо. Даже на обед пригласила. Похоже она тебя простила. Иначе бы и разговаривать с нами не стала. Ты сам-то как думаешь?

- Пока всё хорошо. Не сглазить бы только. Напряг определённый всё же ещё чувствуется. Может после обеда отозвать мне её в сторонку, да напрямую вопрос поставить? А там будь что будет. Ходить вокруг да около тоже не хочется. Опять же, скажет десять дней всего как знакомы, а уж решать кардинально этот серьёзный вопрос собрался. Но, с другой стороны, находясь вдали друг от друга, мы ведь с ней не сблизимся. Не так ли? Ездить по воскресеньям друг к другу - тоже нет смысла. Только людей смешить будем. Сам понимаешь, что педагог не та фигура, чтобы над ним смеялись. Отнюдь не зря говорится в песне: «От людей на деревне не спрятаться...».

В школу вернулись с полными корзинами. Собирали - радовались. Такое грибное раздолье. Брали только небольшие, крепкие, ядрёные, без единой червоточки.

- Надо же, какой улов у вас, - всплеснула руками Елизавета. - Молодцы. Но, понимаю, у Сергея Петровича семья, им грибов много надо, а Вы-то Алексей Михайлович, что с ними делать будете?

- У Сергея заготовками тёща ведаёт, вот ей и передам. А потом всю зиму буду у них кормиться.

- Ай-я-яй, и не стыдно Вам такое говорить? Дадите на рубль, а съедите на несколько тысяч. Сергей Петрович, друг-то Ваш разорить Вас хочет. Не боитесь?

- Ничего, он мне коньяком возвернёт все расходы на питание. Кстати, Елизавета Григорьевна, Вы нас покормить хотели. Не забыли, случайно?

- Не забыла, не забыла, только устроит ли вас меню?

- Мы на всё согласны.

- Тогда слушайте: на первое - суп грибной, на второе - картошка жареная с грибами, на десерт - чай и... пи-рог с... гри-ба-ми.

- Ничего, ничего, мы ваши грибочки в шампанском растворим и всё будет

прекрасно.

- Вы же за рулём? Педагог в пьяном виде выедет на дорогу, какой «хороший» пример для школьников. Ай-я-яй! Не стыдно? А если ГАИ вас остановит?

- Ни в чём не вижу проблемы. Отвечаю по пунктам. Во-первых, алкоголь от шампанского испаряется из организма где-то через час, точнее, хмель выходит. Прибор во всяком случае его не фиксирует. Во-вторых, пока мы доедем до нашего села, он вообще улетучится и перед случайно увидевшими нас школьниками мы будем чистыми, аки агнцы. И в-третьих, в ГАИ работают наши бывшие ученики. Они не только не остановят нас, но ещё и честь нам отдадут поднятием правой ладони к фуражке. Ещё вопросы есть? - как говорит Алексей. - Вопросов нет. Прощу посуду, пани. Алексей, разливай, выпьем за гостеприимную хозяйку.

Ко второму наполнению бокалов неожиданно подоспела соседка, Варвара Васильевна.

- Иду от сватки из Малиновки, юбилей у неё вчера был, гляжу у твоего крылечка-то, Лизонька, машинка красная стоит. Допреж её я не видала тут. Думаю, сваты новые какие-то к тебе прибыли. Дай-ка зайду, авось не выгонят. Угадала я со сватами-то, Лиза?

- Что Вы, что Вы, тётя Варя, - зарделась Елизавета Григорьевна, - это друзья мои из Керженца за грибами приехали.

- Меня -то ты, соседка не обманешь. Гляди-ка, вся разалелась, румянец по всему лицу. А шампанское, когда за грибами едут, разве берут с собой? То-то, милая, уж ври, да не завирайся. Который твой-то будет? Хоть погляжу, оценю.

- Позоришь ты меня перед людьми, Варвара Васильевна. Что они обо мне подумают? Выпей-ка лучше с нами.

- Ладно, Лизка, не хочешь, не говори. Только я ведь всё вижу. Ещё с порога поняла, что тут, и к чему. На ваших физиономиях ведь всё-ё-ё написано. Этот вон, показала на Алексея Петровича, твой «кавалер». Так и постреливает на тебя глазами-то. Готов, прямо, проглотить тебя, всю целиком. По его взору вижу, шибко хорошо он к тебе относится, поди-ка даже и любит. Да и твои взгляды-погляды в его сторону тоже что-то да значат. Что ни говори мне, а, вижу, и тебе он люб. Давай, выпью за ваше счастье, да и пойду до дому, отдохнуть надо. Юбилей-то у Мани был шибко весёлый!...

- Попей ещё чайку, Алексей, а я пока машину посмотрю-проверю, что-то в первый путь её вправо заносило.

Хоть что, так, колесо одно подкачать надо.

- Я тоже с Вами, дядя Серёжа, хочу посмотреть, что Вы будете делать, - выскочила во двор Алёна.

- Пойдём-пойдём, помощница, одному-то мне скучно будет.

Оставшись одни, Алексей с Лизой какое-то время молчали, лишь искоса поглядывая друг на друга. Первым заговорил Щенников.

- А ведь права баба Варя. И мы оба с тобой это знаем. Просто боимся

признаться друг другу. А чего или кого бояться-то? Я когда на автостанции смотрел на тебя, как ты причепуривалась перед дорогой, сразу понял, будешь моей, никому тебя не отдам. Помнишь песню: «Даже солнце светит по особому, с той минуты, как увидел я тебя...» Вот и со мной примерно это же произошло. Все думы теперь только о тебе. И боязнь потерять тебя появилась...

- Что ж, откровенность на откровенность. Ты мне тоже сразу понравился. Я тоже сразу «в облака» стала забираться, уже витать там начала. И вдруг этот срыв в твоей квартире. Я ведь вначале-то на плохое подумала, потому и отчитала тебя. Пришла в себя уж только ночью. Оба мы с тобой виноваты в случившемся, оба. Я ведь всю ночь потом проревела, чуть Алёнушку не напугала. Думала, всё, потеряла тебя навсегда.

- Давай, Лиза, забудем про тот инцидент на веки вечные. Как-будто и не было его. Хорошо?

- Согласна с тобой полностью.

- Вот что значит, родственные души. Мы с тобой и не заметили, как на «ты» перешли. Знать судьба, нам вместе быть. Ты, я полагаю, тоже этого хочешь?

- Конечно.

- Приеду домой, и завтра же начну вопросы наши общие решать. Заявление в ЗАГС отнесу, насчёт работы тебе буду почву зондировать. С садиком проблемы не будет, с пропиской тоже. Здесь тебя тоже отпустят без всяких проволочек, желающие на твоё место найдутся. Вопросы есть? Вопросов нет.

- Как нет, Ты опять один всё за нас решаешь. С ЗАГС-ом, думаю, надо подождать. Пока гражданским браком поживём. А вдруг что-нибудь не так пойдёт? В жизни ведь всякое бывает. А может разлюбишь меня, будешь каяться, что с регистрацией поспешил.

- Ты сама-то меня не разлюбишь?

- Я? - нет, ни за что и никогда. Я в себе уверена. И в тебя, конечно, верю. Только вот вертится в голове это проклятое: «А вдруг?...»

- Значит так, никаких «А вдруг?» не будет. Я в себе тоже уверен. И вовсе не хочу, чтобы нас с тобой сожителями звали. Сожитель - слово - фу, какое-то поганенькое. Во всяком случае, нехорошее, ну, не очень красивое. И звучит неприятно. Не для нас с тобой сожительство, дорогая. У нас с тобой будет всё так, как в старые добрые времена - официальный брак.

- Алексей, а тебя не пугает, что мы с тобой всего лишь две недели как знакомы?

- Нет, ни сколечки. Я люблю тебя, и этим всё сказано. Полюбил тебя сразу, и, как мне кажется, я даже уверен - навсегда.

- Алексей, я готов. Весь умаялся, пришлось все колёса подкачивать. Время нас с тобой поджимает, пора уже ехать.

- Минуточку подожди, Серёжа, всего минуточку.

- Лиза, дай мне номер твоего мобильного, будем чаще общаться, решать возникающие проблемы.

- Увы, Алёшенька, здесь мобильная связь отсутствует, поэтому и телефонов

нет практически ни у кого. Предприниматели, когда остро нужна связь, едут на Ефимков угор - так самое высокое место у нас называется. Это где-то, в километре от деревни. А стационарного телефона в деревне нет вообще. Так что, в случае необходимости, придётся тебе сюда ехать. То есть, вся связь между нами теперь на тебе завязана.

- Да я хоть каждый день готов к тебе ездить. А не только по случаю. Надеюсь ты против не будешь, если вдруг как-нибудь на недельке вечером я к тебе подъеду?

- Ни в коем случае, лишние сплетни нам ни к чему. Что обо мне в деревне скажут, когда увидят твою машину у школы? Надеюсь, ты это прекрасно понимаешь. Лучше уж я к тебе с какой-нибудь оказией сама приеду. Приду к тебе так тихо и аккуратно, что никто меня и не заметит, и никто не узнает. Не прогонишь?

- Конечно, нет. А уж как я рад-то буду! Вот ты пообещала приехать, и теперь я всю неделю ожиданием жить буду. Возвращаясь из школы буду оглядывать все скамеечки в округе. А вдруг ты приехала и ждёшь меня. В общем, так, если не сможешь вырваться ко мне на неделе, то жди меня в следующее воскресенье, прямо с утречка.

- Хорошо, хорошо, буду ждать. Ох, какая же это будет долгая для меня неделя, очень долгая.

- Лиза, а Лиза, поцелуй меня на дорожку.

- А если не поцелую, что ты со мной сделаешь?

- Если любишь, то поцелуешь. Если не поцелуешь, пеняй на себя. Сам тебя зацелую. Крепко обниму тебя и не отпущу до тех пор, пока Сергей ещё раз не зайдёт за мной...

- А-лѐ-ша-а, ну отпусти ты меня, Сергей же увидит... Уфф, чуть ведь не задушил. Облапал, как медведь. Аж задохнулась.

- Это я так тебя люблю. Ну-у-у? Жду поцелуя...

- Мне кажется, что у тебя всё решилось. Понятно даже без слов, ибо сияешь, дорогой ты мой, прямо, как новый гривенник. От всей души поздравляю! Молодец! А она-то, она-то, какая же она всё-таки дивная! Когда из леса пришли, я её, ей Богу, не узнал. Красота просто неопишная. А как приоделась? Скромненько, но со вкусом, причёсочку накрутила, прямо как светская дама стала. Какая женщина в глухой деревне пропадала! Повезло тебе с ней, Алёша, несказанно повезло. Аж завидки берут. Вторая молодость у тебя начинается. Ох, и счастливый же ты, чѐртушка!

* * *

Среда - самый плотный день в школьном расписании Щенникова. Шесть уроков подряд, а потом ещё кружок для любителей географии, который начинается ровно в 14=00, а заканчивается когда как, всё зависит от любознательности самих учеников. Вот и сегодня ему удалось покинуть школу лишь ближе к четырём часам. Зашёл в гастроном, в булочную и спокойной

походкой отдыхающего человека направился к дому. Солнечная тёплая погода способствовала длительной прогулке, но свободным временем сегодня, он, к сожалению, не располагал. Ещё с утра он запланировал сделать генеральную уборку в квартире, подспудно ожидая, что в четверг-пятницу подъедет Елизавета. И навести хотя бы элементарный холостяцкий порядок было необходимо. Подойдя к подъезду своей трёхэтажки, он встретился с соседкой по лестничной площадке.

- Алексей Михайлович, где-то час тому назад к Вам в квартиру звонила какая-то незнакомая мне женщина. Я её в глазок увидела. Хотела выйти спросить, но не успела, она быстро ушла.

- Спасибо, Татьяна Павловна, это, наверное, родительница кого-то из моих учеников. Больше ведь ко мне никто не ходит, Вы это прекрасно знаете.

- Она не из нашего села, здесь мы все друг друга знаем. Возможно из какой-то деревни, ведь у вас в интернате деревенских ребят много проживает.

Радостно забилося сердце Щенникова. Это могла быть только Лиза. Ждать её, или идти встречать? Пожалуй лучше ждать. Ещё время не пришло, чтобы нас соседи вместе с ней видели. Сплетни лишние педагогам ни к чему, они им противопоказаны из этических соображений. Зайдя в квартиру, Алексей Михайлович оставил дверь чуть-чуть открытой, чтобы своим звонком Лиза не привлекла внимания излишне любопытных соседок. А так, коли дверь немножечко приоткрыта, значит хозяин дома. Такая вот теперь возникла ситуация, необходимо будет прятаться от всего мира.

В ожидании гости Щенников отправился на кухню. Поставил на плиту чайник, достал заварку. В гостиной убрал со стола всё лишнее, набросил скатерть. Вазу с конфетами поставил в центр стола. Порезал на ломтики лимончик, разложил их веером на тарелочке, слегка припорошил песочком. Задумался, разрезать торт сейчас, или проделать эту операцию в присутствии Елизаветы. Решил отложить это мероприятие до её прихода. Немного поколебавшись, достал из холодильника бутылку шампанского и, сдвинув в сторонку конфеты, водрузил её ровно по середине. Бокальчики притулились рядышком. Дошёл черёд до чашек, блюдец, тарелочек, ложечек. Сервировка стола подходила к концу. «Ай-я-яй, а сал-фет-ки, сал-фет-ки, сал-фе-точ-ки? Чуть я про вас не забыл. И где же вы у ме-ня-я?»,- пропел Щенников.

Резкий длинный звонок в дверь прервал его приготовления. С радостной улыбкой он бросился к входным дверям, при этом недоумевая, почему это вдруг подруга пренебрегла мерами конспирации. Сама же говорила, что нужно быть осторожными и лишний раз не «светиться». И, вдруг, с таким звоном входить в открытую специально для неё квартиру? Однако, ни в прихожей, ни в коридоре никого не оказалось. Выглянув в подъезд, он от неожиданности обомлел. Пред его светлыми очами стояла давно добивавшаяся его руки коллега, учительница русского языка и литературы, старая дева Кира Алексеевна Дивеева.

- Можно войти?

- Пожалуйста, проходите, проходите, не стесняйтесь. Чем обязан Вашему экстренному визиту? Что-то неординарное в школе произошло? Ведь буквально два часа тому назад я попрощался в учительской с коллегами, в том числе и с

Вами?

- Я пришла по поручению директора школы, с деликатным, но, как он считает, неприятным для Вас вопросом.

- Что ж, я Вас внимательно слушаю.

- Может пригласите меня в комнату, здесь как-то неудобно разговаривать.

- Пройдёмте тогда в гостиную.

- Алексей Михайлович, Вы гостей ждёте? - окинув стол взглядом, спросила литераторша. - Точнее гостью, судя по сервировке стола. Не ту ли, случайно, что Вы в секрете от всех держите? А?

- Какую ту?

- Как какую? Не прибедняйтесь, пожалуйста, вашу пассию. Именно по этому поводу я и пришла к Вам, точнее меня послали к Вам. А дело, собственно вот в чём: ученики из Керженца распространили по школе слух о вашем с Сергеем Васильевичем неадекватном поведении в этой деревне в минувшее воскресенье. Видели вас на территории их начальной школы с техничкой, с которой вы флиртовали, а потом, пока Коньков возился с автомобилем, Вы уединились с ней на длительное время в одном из классов. Руководство нашей школы обеспокоено Вашим поведением, поэтому я здесь, чтобы предупредить Вас о нежелательных последствиях. Я лично не поверила слухам, но теперь, - она указала на стол, - убедилась, что дети говорили правду. Ведь Вы не будете отрицать, что ждёте её?

- Стоп, стоп, стоп, Кира Алексеевна. На каком основании вы вместе с руководством, я предполагаю, с директором, лезете в мою личную жизнь? Кто вам дал такое право? Сейчас ведь не те времена, когда партия указывала кому и как жить, и с кем жить... Это во-первых. Во-вторых, почему он не пригласил меня в свой кабинет и не побеседовал со мной на эту щекотливую тему тет-а-тет? А может он специально послал Вас, ко мне на квартиру, чтобы выявить какие-то улики, в подтверждение рассказов школьников? Что ж, поздравляю Вас, вы их нашли, нашли в виде накрытого стола с бутылочкой шампанского, тортом, конфетами, фруктами. Только для кого накрыт стол, трактовать можно по-разному. И это будет, в-третьих, ибо, а вдруг сейчас ко мне зайдёт кто-нибудь из соседей, а они у меня сплошь пенсионеры и зачастую просят то спичек, то соли, то помочь в чём-то, то ещё чего-нибудь, и столкнётся с теперешней ситуацией: Вы, я и... накрытый на двоих столик. Что в таком случае они о нас с Вами подумают? - Ясно, как божий день, только одно - мы с Вами любовники. И Вы никак не сможете их переубедить, ибо улики налицо. Каков удар будет по Вашей чистоплотности - судить только Вам. И как Вас после этого будут называть на селе? - Только словом на букву «б». Меня, в худшем случае, обзовут Дон Жуаном. Так этим званием мужчины, вообще-то, во всём мире гордятся. Чья репутация, в таком случае, больше пострадает, моя или Ваша? - Думайте. И сделайте соответствующие выводы. А, в-четвёртых, да будет вам всем известно, что мы с Елизаветой Григорьевной, кстати, умной и порядочной женщиной, а не какой-то там, как Вы сказали, техничкой, не далее как вчера, отнесли заявление в ЗАГС и наше бракосочетание имеет уже конкретную дату. Так и передайте директору, или тем, кто Вас ко мне посылал. Ещё раз повторю, обидно, что у

руководства не нашлось времени, чтобы обсудить со мной эту ситуацию один на один. То, что директор послал Вас с этой миссией ко мне, это глупейшая его ошибка. Любую ситуацию надо уметь просчитывать как минимум шагов на пять вперёд, чтобы не попасть впросак. В общем, раздули вы из мухи слона... Надеюсь, больше у Вас ко мне вопросов нет? Извините, но я не смею Вас больше задерживать, да и соседи, не дай Бог, заглянут и увидят Вас у меня в интимной обстановке. Так что, адью, дорогая Кира Алексеевна, то бишь - до свидания...

Выпроводив незваную гостью, Щенников, опять же оставив приоткрытой дверь, вернулся в гостиную, присел на диван, задумался. Ясно было одно, необходимо экстренно ускорять процесс бракосочетания. И не далее как завтра отнести заявление. А то ведь у того же директора ума хватить позвонить в ЗАГС и выяснить обстановку. Во избежание возможных неприятностей, необходимо было действовать теперь на опережение. Блефовал, конечно, перед Киной Алексеевной он уверенно, а сейчас так же уверенно нужно и действовать... Время тянулось, как назло медленно. Пора бы уже давно появиться Елизавете, если..., если она, конечно, здесь, в Молокше. А если не приехала, то придётся «запрягать» свою «шестёрку» и вечером отправляться за ней.

- А что это у Вас, Алексей Михайлович, дверь не закрыта? Ещё кого-то ждёте? Не много ли женщин для одного-то дня будет? То незнакомка какая-то названивала, то учительница расстроенная от Вас, как ошпаренная, выскочила. Хотя правильно, Бог любит троицу, значит ещё одна придёт, - любопытство явно разобрало соседку.

Чтобы не допустить Татьяну Павловну в гостиную, Щенников опрометью выскочил в прихожую.

- Так Вы, дорогая соседка, как раз третьей и стали. Кто ещё ко мне, к старому холостяку, может придти? Чем обязан Вашему приходу?

- Что-то у меня телевизор барахлит: то рябь какая-то идёт, то кадры мелькают. Уж и антенну туда-сюда вертела - ничего не меняется. Третий день эта проблема меня мучает.

- Сигнал у нас очень слабый, не для комнатной антенны. Нужна наружная. Сходите в ателье, поставят Вам на крыше новую, более мощную, и качество трансляции сразу же изменится. Кстати, возьмут недорого.

- Ой, а вот и она!

- Кто она?

- Та, которая к Вам звонила.

- Ну, Татьяна Павловна, как напугали-то Вы меня. Да это же Елизавета Григорьевна, племянница моей жены. Знакомьтесь, - без зазрения совести врал в наглуую Алексей Михайлович.

- Что-то я её не припомню?

- Так она у нас всего-то раз, наверное, и бывала, да и то давно уж. Вот Вы и забыли. Она в Сибири живёт, а оттуда, сами знаете, путь не близок.

- А что без вещей-то?

- У неё тут, в Молокше, подруга детства проживает. Она у неё и

останавливается. Ей ведь несподручно с мужиком, то бишь со мной, один на один на ночь оставаться. Сами же потом нас осуждать и обсуждать будете. Не так ли, Татьяна Павловна?

- Так, конечно, правильной будет, Алексей Михайлович.

- Проходи, Елизавета, сейчас я чайник поставлю.

- Уф-ф, и денёк сегодня. Аж трясёт всего, как в лихорадке.

- Рассказывай, что случилось?

- Чуть попозже, Лиза. Сперва надо успокоиться. Кстати, паспорт у тебя с собой?

- У меня он всегда при мне, по работе, да в разъездах всегда необходим.

Ну, рассказывай, что всё-таки стряслось-то?

- Говорю тебе - успеется. Я так по тебе соскучился, просто не могу, - прямо в прихожей он начал обнимать и целовать свою любимую.

Так, в обнимку и с поцелуями, они добрались до гостиной, присели на краешек дивана.

- Ну, отпусти ты меня, Бога ради, дай хоть умыться с дороги. Ох, и медведь же ты, медведь, милый мой мед-ве-душ-ка. От-пус-ти-и. По-дож-ди хоть не-мно-жеч-ко...

- Ай-я-яй, не стыдно? - игриво укоряла Лиза, - взял силой бедную беззащитную женщину и доволен. До ночи-то не мог подождать? Ох, горюшко ты моё луковое!

- Вот теперь можно и чайку попить, с устатку-то. Жена, марш на кухню! А я пока на диванчике полежу, - шутил Алексей.

- Ну и нахал ты, оказывается, раскомандовался тут, понимаешь, ни с того, ни с сего, - с улыбкой приняла игру Лиза.

- Это знаменательное событие следует отметить, - распечатал шампанское, повеселевший от случившегося хозяин, и разлил вино по бокалам. - До дна, Лизонька, до дна... Вот молодец, а теперь давай поцелуемся.

- Губы болят, Алёшенька, не могу больше. Передохнуть надо, хоть немножечко.

- Тогда счастья нам не будет.

- Ох, и ненасытный же ты...

* * *

Первых уроков у Щенникова не было, поэтому с утра, к открытию, они отправились в ЗАГС. Процедура здесь вроде бы не долгая и не сложная, но, опять же, не обошлось без конфуза. Взявший бразды правления в свои руки, Алексей Михайлович, положил паспорта на стол заведующей, а та, видимо, для ускорения процесса, стала делать записи с его слов. Свою фамилию он назвал, а вот на Лизиную - споткнулся, ибо не знал её вообще. Лёгкая заминка, в момент округлившиеся глаза служащей. Выручила Лиза: «Алексей, ну зачем же ты так пошло шутишь? Здесь же серьёзное учреждение. Извините, это он на моё

предложение взять мою, более благозвучную фамилию, так реагирует. Сравните сами: Щенников и Чернорицкая, чья лучше?».

Заведующая звонко рассмеялась, покачала головой, раскрыла паспорта, стала сверять данные. Инцидент был исчерпан. В завершение процедуры она полушутя, с улыбочкой посоветовала: «Когда придёте на регистрацию, всё-таки возьмите фамилию жены. Супруги Чернорицкие - красиво звучит, не правда ли? Лично мне больше нравится».

- Ты откуда мою фамилию знаешь? - спросил Лизу на улице Алексей. У нас с тобой вроде об этом разговора не было.

- Алексей, ох и недотёпа же ты. Да у любого школьника в селе спроси фамилию учителя географии, он тебе ответит - Щенников. Вчера я и узнала.

После подачи заявления Алексей Михайлович направился в школу, передав ключи от квартиры Елизавете: «Я приду где-то к трём часам, сходим с тобой в магазины, я куплю подарок Алёнушке и ближе к вечеру отвезу тебя домой в Керженец. Наверное, баба Варвара тебя всю прокликает, повязала её Алёна по рукам и ногам».

Вернувшись из школы Алексей буквально не узнал своей квартиры. Всё блестело и сияло, отдельные вещи поменяли своё место, кое что из мебели, посильное ей, сдвинуто-передвинуто. Уютом веяло из всех комнат. В ванной крутилась стиральная машина. А из кухни шёл такой запах свежесваренного борща, что у бедного учителя аж потекли слюнки. «Прощай холостяцкая жизнь! Теперь я полноправный семьянин, - подумал Щенников, - ну, и слава Богу!».

- Соседки тебя ещё не навестили? - спросил он.

- Нет, никто не заходил. Проходи, умывайся, обед уже готов, будем кушать.

- А у меня к тебе есть неплохие новости насчёт работы.

- Да? Уже?

- Так ведь, как говорится: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Перечень к твоим услугам. Выбирай. Итак: специалист в отдел статистики при районной администрации - временно, на период декретного отпуска; специалист в архивный отдел - тоже временно, по той же причине; сотрудник в библиотеку на абонемент - на постоянной основе; диспетчер на постоянно, в частный таксопарк; диспетчер в районную администрацию - на постоянно, здесь работа по суткам; статистик в больницу - пока временно, из-за болезни сотрудника. Её выводят на группу.

- Ну, и как «урожай»?

- Да, выбор есть. Только моё мнение однозначно - библиотека.

- Я так и знал, что на этом варианте мы с тобой и остановимся. Звонил уже Наталье Петровне, она ждёт тебя в понедельник.

- В понедельник? А успею я в Керженце за день-два все вопросы утрясти?

- Если будешь действовать как я, оперативно, то успеешь. Вопросы есть? -
Вопросов нет. Обедаем, и в путь-дорогу.

* * *

В любви и радости для семьи Щенниковых прошли-пролетели три года. На отлично закончила и первый, и второй классы доченька Алёнушка. Удачно вписалась в библиотечную систему Елизавета Григорьевна, ставшая там хорошим специалистом, своим человеком. Алексей Михайлович прошлым летом в кругу друзей отметил своё пятидесятилетие. В том же году он был назначен директором школы, взамен вышедшего на пенсию Кокорина. Два лета подряд они втроём ездили в Белокуруху, где Алексей Михайлович поправлял своё здоровье, а жена с дочкой просто отдыхали, набирались сил. Всё вроде бы удачно складывалось в их семье, кроме одного: никак не исполнялась самая заветная мечта супругов - завести общего ребёнка. То ли возраст сказывался, то ли были ещё какие-то, неизвестные им, причины, то ли так уж было судьбой уготовано, но..., но на этом фронте они потерпели полное фиаско. Их мечте, видимо, не суждено уже было сбыться.

В июле, когда Щенниковы в очередной раз собирались ехать на Алтай, пришла телеграмма из Липецкой области: скоростно скончался отец Лизы. Как позднее выяснилось, диагноз для россиян привычный - инфаркт. Если же учесть, что ближайший от деревни фельдшерско - акушерский пункт находится в пятнадцати километрах, то вполне естественно, что ни о какой медицинской помощи речи не могло даже идти (вот вам плоды бездумной оптимизации!). Но, беда, как известно, одна не ходит. Только-только успела Елизавета вернуться из родной Калиновки и оправиться от тяжелейшей утраты, пришло ещё одно печальное известие. На сей раз оно касалось матери. Лишь на неполный месяц пережила Мария Васильевна своего мужа. И опять же инфаркт, без оказания надлежащей экстренной помощи...

В одночасье лишившись обоих своих родителей, начала сдавать и сама Елизавета. Хандра, апатия, навалившиеся на неё, бессонные ночи, постоянно мокрые глаза, нервные срывы делали своё чёрное дело. В больницу ложиться, несмотря на неоднократные предложения мужа, друзей и её сослуживцев, она отказалась, даже не ушла на больничный, пытаясь хотя бы на работе, как она говорила, уходить от мрачных мыслей. И однажды случилось непоправимое. Утром, выйдя из квартиры и, спеша как всегда в библиотеку, она на мгновение отключилась, потеряла равновесие и, упав прямо на лестничном пролёте, скатилась на площадку. Врачи диагностировали инсульт...

- Да, да, острое нарушение мозгового кровообращения. Ишемический инсульт, - констатировал лечащий врач. - Не меньше трёх недель, дорогой Алексей Михайлович, ей предстоит пролежать в больнице. А дальше мы выпишем её домой. Наблюдать её мы будем регулярно, лечение вести амбулаторно, как и положено при данной болезни. Весь уход за больной в дальнейшем, после выписки, естественно, ложится на Ваши плечи. Я полагаю, при Вашей занятости и при чрезвычайной молодости Вашей дочери, Вам необходимо будет нанять сиделку. Свяжитесь с социальной службой, там есть неплохие специалисты, они Вам помогут.

- Когда она полностью может восстановиться?

- Она сейчас в таком состоянии, что я не смогу, пока, повторю, пока,

ничего гарантировать, абсолютно ни-че-го. Вы уж меня извините, но пока ещё рано о чём-либо говорить. Летальный исход я исключаю, но необходимы месяцы совместной работы, трудной, упорной, чтобы ей поправиться. В любом случае, оптимизма не теряйте, будем надеяться на благополучный исход. Больше ничего не могу Вам сказать, а тем более обещать. Будем ждать и, повторюсь, надеяться.

На исходе второй недели, когда у Лизы наступило некоторое улучшение, Алексей завёл разговор с ней о выписке домой и решении вопроса по сиделке. Ответ её был весьма и весьма категоричен. Чужую женщину в дом Елизавета впускать наотрез отказалась, считая, что социальный работник это при всей её высокой квалификации и большом опыте на данном поприще, всё-таки далеко не родня. Да, она будет делать всё, ну, почти всё, но это всё равно будет работой, проще говоря, исполнением своих обязанностей. Ухаживать, точнее ходить за недвижимой больной, именно с душой, по её мнению мог только очень близкий, человек - родственник. В родном доме в Калиновке оставались две Лизиних сестры, причём младшенькая была уже просватана пареньку из соседней деревни. При этом жить молодые намеревались у невесты, ибо у жениха, в его отчем доме кроме отца и матери оставались ещё три брата. Преждевременная смерть родителей отодвинула их свадьбу как минимум на год. На другую сестру, Машу, и решила сделать ставку Лиза. Она предложила вызвать её в Молокшу, устроить на работу в центр социальной защиты, и таким образом решить проблему. Идея жены понравилась Алексею и через полторы недели Машенька уже заняла самую маленькую комнату в квартире Щенниковых. Вернувшись в домашние условия, окружённая вниманием любящих её родственников, Лиза несколько ожила, похорошела, вовремя и без каприз принимала лекарства, без проблем выполняла прописанные врачом процедуры.

Прошёл месяц, другой. Вот уже и полгода пролетели. Однако, ожидаемого результата всё не было и не было. И хотя доктора утверждали и убеждали Щенниковых, что полное излечение может произойти и через восемь месяцев, и через год, а может и ещё позднее, всё же отсутствие хоть какого-то улучшения всё больше и больше тревожило и удручало семью. Особенно нервничала Елизавета. Её попытки начать приподниматься, а затем и присаживаться успеха не имели. Видя тщетность своих усилий, больная всё больше и больше стала впадать в уныние, захандрила, не раз заявляя, что может быть больше не стоит пытаться «вытаскивать» её из кризиса, а оставить всё так, как есть. Не исключала она и варианта сдачи её в соответствующее учреждение, где бы она и провела свои остатные дни - в хоспис, что находился в окрестностях областного центра.

Несколько дней Елизавета отмалчивалась, машинально и однозначно отвечая на все задаваемые ей вопросы, что-то тщательно обдумывая. Затем, когда кроме неё и Алексея в квартире никого не было, она попросила его присесть к ней на кровать и, тяжело вздохнув, начала разговор: «Алексей, выслушай меня, только уж не перебивай. Я всё понимаю, меня уже не вылечить, мне никогда уже не быть такой, какую я была ещё год тому назад. Как женщина,

я тебя не устрою. Да, мы оба любим друг друга. Да, я знаю, что ты меня никогда не бросишь. Но ведь ты далеко не старик и без женщины тебе очень трудно, я же это вижу. Тем более, что постоянно перед твоими глазами мелькает-мельтешит моя сестра-красавица, причём очень на меня похожая. Я знаю, ты глупостей не наделаешь. Но мне тебя жалко, ведь ты как бы снова стал вдовцом, и это при живой-то жене. Давай сделаем так: я поговорю с Машей, и если смогу, постараюсь убедить её начать жить с тобой. Вижу, как она иногда заглядывается на тебя, но без моего согласия, я уверена, она не позволит себе никаких вольностей. Ей уже тридцать восемь лет и это её последний шанс родить ребёнка. Ей ведь тоже хочется быть матерью. Я уже испытала материнство, хочу, чтобы и она стала матерью, и чтобы ребёнок был от любимого человека. А она тебя любит, точнее полюбила, я это тоже вижу, и вполне может составить тебе пару. Лично я буду за вас рада. Тем более, что мы с тобой мечтали о сыне. Вот и будет у нас общий сын: и Машин, и твой, и мой. Разве это плохо?».

- Озадачила ты меня, Лиза. Я об этом вообще не думал, даже в мыслях у меня такого не было. А как ты себе это представляешь? А что подумают о нас люди? Директор школы - двоеженец? Нажил ребёнка с сестрой жены. Ты чувствуешь, чем это пахнет, и чем всё это может кончиться?

- Не спеши с выводами, Алексей. Ещё ничего не случилось, ничего не произошло, а ты уже в задир пошёл. Будем жить, как и жили, светиться и объясняться ни перед кем не будем, да и нет в том необходимости, а я уверена, её и не будет. Во всяком случае, как минимум, до Машинной беременности. Полагаю и в дальнейшем никаких проблем не испытаем. Ты же сам знаешь, безвыходных положений не бывает. Не будет их и у нас. Я всю цепочку уже выстроила, определила последовательность всех необходимых действий. Вам с Машей остаётся только следовать моему плану.

- Эх, Лиза, Лиза, Лизавета. Ещё ничего не произошло, не случилось, а я себя уже чувствую и негодяем, и предателем, и вором, и..., в общем - сволочью. А что, разве не так?

- Конечно не так. Ты не взвинчивай себя до поры до времени. Обдумай мои слова и тогда поймёшь, что я права. Я ведь тоже не сразу пришла к этому решению. Но я люблю вас обоих: тебя - как мужчину, её - как сестру. И обоим вам, повторюсь, желаю только счастья. Буду с вами жить, за вами наблюдать и радоваться за вас. И буду за вас, за ваше счастье молиться. Я не думаю, что это будет грех. И Бог нас не осудит. Ведь в общем итоге мы все будем счастливы. Так что, не ёрничай, не дёргайся, а просто обдумай мои слова. Я уверена, ты примешь правильное решение, так же, как и Маша. Тем более, что я для тебя Лёшенька - Алёшенька, уже «отрезанный ломоть». Так у нас, кажется, в России говорится. Полного счастья, кое у нас с тобой было, уже никак не вернуть. И это ты не хуже меня знаешь и прекрасно понимаешь...

* * *

Прошло два месяца. Маша рассказала сестре о своей беременности. Далее всё пошло по плану Елизаветы, остававшемуся до поры до времени в секрете от

незаконных «молодожёнов». Сестра уволилась с работы, объяснив своё решение тем, что выходит замуж за вдовца в своей деревне Калиновке Липецкой области и переезжает туда на постоянное место жительства. К Елизавете был сразу же прикреплен новый социальный работник. Друзья посочувствовали семейству Щенниковых, что они «потеряли» родную сиделку, но и пожурили их за то, что они долгое время не давали выйти замуж Машеньке, «привязав» её к больной сестре.

Спустя ещё три месяца Маша вернулась в Молокшу, вновь заняла своё привычное место в семье Щенниковых. В социальной службе и знакомым она объяснила, что «неудачно вышла замуж» и хорошо, что они не расписались. Митя, якобы, оказался человеком выпивающим, при этом ко всему чрезмерно требовательным, причём зачастую необоснованно, и как-то попытался даже «поднять на неё руку». Этому она ему простить не смогла и, поняв, что дальше с ним жить не сможет, созвонившись с Лизой, приняла решение вернуться к сестре. О дне приезда и беременности Щенниковых проинформировала телеграммой. Это было сделано с той целью, чтобы днём, когда Лиза оставалась одна под замком, телеграмму получили соседи и как бы узнали всё из первых уст. Хитро, но умно. План Елизаветы исполнялся пока чётко, всё было шито-крыто.

В дальнейшем, появление Маши на улицах села «с животиком» не вызывало никаких вопросов. Соседки разнесли по селу всю «правду». Дело житейское, была же девка замужем, почему бы и не забеременеть. И даже наоборот, все жалели её, что придётся теперь одной растить и воспитывать ребёночка - безотцовщину.

Приезд сестры и ход дальнейших событий порадовал Елизавету. Она была счастлива - её план сработал на «пятёрку». Больная приободрилась, повеселела, румянец заиграл на щеках. Лизу как подменили. Положительные сдвиги в настроении пациентки, улучшение эмоционального её состояния отметили и медицинские работники.

- Похоже наступает перелом, и дальше, судя по всему, дело пойдёт на поправку. Есть все шансы на полное, повторюсь, полное восстановление вашей супруги, - поделился своим мнением с Алексеем Михайловичем лечащий её врач. - Я рад, что у вас всё так удачно складывается. Молодцы, что дома вы создали все необходимые условия для больной, окружили её любовью и заботой. Это всегда является немаловажным, а порою и основным фактором для излечения.

Общими усилиями удалось совершить невероятное. Елизавета начала вначале приподниматься на кровати, а чуть позднее и садиться. При этом с каким-то азартом, а порою и злостью, она стала выполнять все прописанные врачами упражнения, иногда даже превозмогая боль. И куда только подевались апатия, безразличие к жизни, ещё совсем недавно, казалось бы, довлевшие над ней? Лиза в прямом смысле слова стала бороться за жизнь, за полноценную, без всякой инвалидности жизнь, абсолютно здорового человека. Домочадцы удивлялись её упорству, целеустремлённости, страстному желанию

поскорее встать на ноги. И вскоре ей это удалось сделать. Казалось бы, даже просто стоять без чьей-либо поддержки было невозможно. Кружилась голова, подкашивались ноги. Но вот уже и первый шаг, ещё неуверенный сделан. Как же ему радовалась дочка Алёнушка! Как она прыгала от счастья, увидев стоящую самостоятельно мать. Три недели передвижения на ходунках, затем хождение по квартире с клюшкой. И, наконец, первая домашняя работа - мытьё посуды. Как-никак, пусть и не велика работа, а всё же домашним подспорье. Да и себе в радость. Так постепенно её жизнь стала входить в свою привычную колею. Следующий этап - спуски и подъёмы по лестнице в подъезде. И вот он, долгожданный выход на улицу! Общение с соседками - старушками, их от всего сердца пожелания полного выздоровления. А главное - молодость, конечно, относительная молодость, энергия и задор и - результат налицо. Совсем ещё недавно лежащая больная практически выздоровела. Начались ежедневные прогулки с сестрой по улицам села. Свежий, чистый воздух нужен был обоим. Да и погода благоприятствовала этому.

И вот первое самостоятельное посещение врача. Вердикт его был суров, но справедлив: о работе пока ещё нечего и думать. Прогулки на свежем воздухе безусловно приветствовались, но не длительные, не до изнеможения, а в меру, а вот все медицинские предписания исполнять вовремя, в полном объёме и беспрекословно.

Всё происходящее и радовало, и тревожило Алексея Михайловича. Он был доволен, что законная супруга практически поправилась и может уже жить полноценной жизнью. Он, как и прежде, любил Лизу. И она отвечала ему тем же. Супружеские отношения необходимо восстанавливать. Это было видно и по поведению Лизы. А как быть теперь с сестрой? Алексей и Маша уже привыкли друг к другу. И «жили» душа в душу. А расставаться необходимо. Вопрос сложный, трудно разрешимый. Щенников чувствовал себя как нашкодивший котёнок. А вскоре и произошло то, что и должно было случиться между законными мужем и женой после длительного перерыва. Когда Маша ушла в поликлинику, а Алёнка находилась в школе, Лиза позвала Алексея к себе...

После первой по выздоровлению Елизаветы близости всё должно было бы возвращаться на круги своя. Но вот как? Как решить уравнение с тремя неизвестными? Точнее, с тремя известными персонажами, которые все в данной ситуации оказались пострадавшей стороной. Как разорвать этот порочный круг? Точнее как разрушить любовный треугольник, чтобы не было никого в разряде тех самых пострадавших? Оставлять как есть - нельзя. Надеяться на то, что жизнь сама расставит всё по местам, покажет, как быть, что делать - вовсе не резон. Русское разухабистое «А куда кривая выведет!» - тоже не приемлемо. Ту-п-и-и-к!

* * *

Елизавету на данном этапе устраивал тот факт, что беременность Маши была на том по срокам временном уровне, когда близкие её отношения с Алексеем сами по себе исключались. Во избежание каких-либо недоразумений,

резких решений ни одной из трёх сторон не предпринималось. Пока всё шло без ссор и размолвок. И, всё же, во всём чувствовалось определённое напряжение, которое в любой момент могло привести к чьему-либо выплеску негативных эмоций. А это означало бы ссору, со всеми вытекающими из неё последствиями. Но и любовный треугольник должен быть непременно разрушен. И это при том, что ни в коем случае нельзя было «выносить сор из избы». Волей - неволей нужно было находить компромисс. Но трёхсторонний разговор между ними пока всё откладывался и откладывался, на какое-то неопределённое время, Видимо, до тех пор, пока не возникнет неожиданно острая ситуация, которая вынудит принимать конкретное решение. На данный момент пока всех всё устраивало. И тихо-мирно покатались день за днём. Надолго ли?

Беременность Маши проходила как-то тяжеловато. Её что-то постоянно беспокоило. Ранее никогда не жаловавшаяся на здоровье, в настоящее время она стала постоянно страдать от головных болей, от какой-то непонятной слабости, и как результат, зачастила в поликлинику. А оттуда с кучей рецептов шла в аптеку. Супруги Щенниковы понимали, чем вызваны все эти боли, все её волнения. Эх, нервы, нервы, нервы... Всё это происходило от шаткости Машиного положения, её беспокоила неопределённость в дальнейшей жизни, жизни матери-одиночки. Лиза и Алексей теперь снова вместе и она оказывалась в семье лишней, по сути, без вины виноватой. Супруги отговаривали её от частого принятия различных лекарств, которые от чрезмерной их дозы могли бы повредить здоровью будущего ребёнка. Врачи же, в свою очередь, настойчиво предлагали ей лечь в больницу, но она постоянно, в категоричной форме, отказывалась от стационара, считая, что дома ей будет гораздо лучше.

Однажды, после двухчасового пребывания в лечебном заведении, изрядно «одуревшая» от специфических больничных запахов, она, выйдя на улицу, и вдохнув свежего воздуха, едва не упала. Присела на ближайшую скамейку и, вытянув ноги и забросив назад голову, с удовольствием расслабилась. Тотчас же перед ней неожиданно возник средних лет мужчина.

- Вам плохо?

- Нет, нет, что Вы? Не беспокойтесь. Всё хорошо. Просто я очень устала. Столько времени пробыть в этой ужасной атмосфере в моём-то положении (она указала на живот), ни к чему хорошему привести и не может. Просто захотелось немножечко отдохнуть, перевести дыхание. Посижу чуток и пойду домой.

- Может Вам кого-то из медиков позвать? Уж больно плохо Вы выглядите?

- Нет-нет, не стоит.

- Тогда давайте я Вас домой отвезу?

- Нет. В машине мне будет только хуже. Я лучше прогуляюсь, подышу свежим воздухом, и сразу всё встанет на свои места.

- Нельзя так безалаберно относиться к своему здоровью. А тем более надо думать и о будущем наследнике. Я давно за Вами наблюдаю, Вы всё время одна и одна. Никто и никогда Вас не сопровождает. Хотя в Вашем положении поддержка чья-либо необходима. Вы одиноки? Нет родных в нашем селе? Не замужем?

- Ох, и любопытны же Вы. Какая Вам разница, замужем я, или одинока? Какое, вообще, Вам до меня дело?

Она резво поднялась со скамейки, и тут же, охнув, присела обратно.

- Давайте я провожу Вас до машины и подвезу до дома.

- Видимо придётся всё-таки подчиниться Вам, поедемте.

- Вот видите, Вы же еле на ногах держитесь, - говорил водитель, бережно подсаживая её на заднее сидение, - какая Вам прогулка? Я провожу Вас до самой квартиры, одну Вас сегодня оставлять ни в коем случае нельзя. А вот на дальнейшее, возьмите мою визитку, и в случае необходимости звоните. Я в любое время подъеду. Чем смогу - помогу. Работа у меня своеобразная: сутки дежурю, трое - дома. И даже во время работы смогу на часок-другой со своими напарниками подмениться.

- Спасибо Вам большое, только я не хочу быть постоянно Вам обязанной, отвлекать Вас от работы, от семьи, от своих каких-то дел. Это с моей стороны будет весьма непристойно и нетактично. Да и навязываться к Вам со своими проблемами, загружать различной ерундой, лишний раз ни к чему.

- И всё-таки, визиточку-то возьмите, вдруг пригодится.

Проводив Машу до самых дверей, незнакомец с удивлением спросил: «Вы здесь живёте? Это же квартира директора школы Щенникова?»

- Да.

- И кем Вы ему приходитесь?

- Я - сестра его жены.

- Понятно.

- Большое Вам спасибо за помощь.

- До свидания, звоните мне в любое время.

* * *

Посмотрев визитку, Алексей Михайлович ненадолго задумался, затем вслух прочитав фамилию, имя и отчество, твёрдым голосом заявил: «Это сын начальника управления сельского хозяйства Капустина Ивана Ивановича. Да-да, всё правильно, Никита. Работает в диспетчерской службе при районной администрации. В свободное время таксует». Был женат, но уличил супругу в измене и не простил её. Развелись без проблем, имущество поделили без суда, по совести. Детей у них не было. Живёт в своей двушке в многоквартирном доме на улице Перфильева.

- Откуда ты всё это знаешь? - спросила Елизавета.

- Милая моя, плохим бы я был педагогом, если бы не знал практически всех жителей нашего малюсенького села. Учитель сродни участковому, обязан знать в своём населённом пункте всё и вся. Профессия у нас такая.

Спустя две недели Маша, выйдя из поликлиники в радужном настроении, заглянула в аптечный киоск, что располагался рядом с медицинским учреждением. Радость её была понятна, она только что вышла из кабинета терапевта, к которому её направил гинеколог. Разговор был долгий, причём он

касаясь не только ситуации, с которой она к нему была послана, а более широкий, более общий, в том числе и о житье-бытье. При этом она отметила, что между ними проскочила какая-то искорка, и что он тоже эту искорку заметил. Это и порадовало и взволновало её. Она почувствовала интерес терапевта к её персоне. Из аптеки она направилась было домой, но неожиданно дорогу ей преградил Никита.

- Садитесь, подвезу.

- Ну, что Вы, что Вы, сегодня такой прекрасный солнечный денёк, что с улицы уходить не хочется. Я лучше прогуляюсь. Тем более, что врач мне настроение поднял. Оказывается, у меня со здоровьем уже всё в порядке, всё наладилось. Нужны лишь частые прогулки на свежем воздухе и покой. А ещё стараться поменьше нервничать и соблюдать режим питания. Кстати, а что Вы тут делаете?

- Я в свободное от работы время занимаюсь извозом на своей машине. А у поликлиники, на рынке и у автостанции, так сказать, мои точки посадки пассажиров. Я за Вами последнее время регулярно наблюдаю, но просто без надобности не подхожу. Сегодня вот решился, захотелось с Вами хоть парой слов обмолвиться, а если удастся, то и поговорить. Ведь в тот раз я сильно за Вас испугался, думал вот-вот в обморок упадёте, поэтому и подбежал. Поедёмте до городского парка, там в стороне от суеты прогуляетесь по аллеям, посидите спокойненько на скамеечке, отдохнёте, а я через часик за Вами заеду.

- Никак Вы надо мной шефство взяли, так сказать, на общественных началах, или опекунство в добровольном порядке?

- А даже если и так, то что в том плохого? Я же Вам ничем не угрожаю, даже наоборот, в какой-то мере Вам сочувствую.

- Что, что? Сочувствуете? Я ни в чьём сочувствии, ни в жалости не нуждаюсь. Оставьте меня, пожалуйста, в покое. Кстати, возьмите деньги за прошлую мою поездку на Вашем такси, - она протянула ему купюру.

- Зачем же Вы так-то? Если чем обидел Вас, то извините.

- Я уже Вам сказала, что не надо меня жалеть, не нужно мне сочувствовать. Вы унижаете меня этим. Я женщина сильная и что мне судьбою уготовано, вынесу, выдержу. К тому же, я не люблю мужчин, которые перед женщинами постоянно лебезят, навязываются им со своими якобы добрыми намерениями, а сами..., сами какую-то свою корыстную цель преследуют... В общем, до свидания, и не надо ко мне больше подходить. Ни под какими предложениями.

Тёплая сухая погода способствовала частым прогулкам Маши. Домашние не обременяли её различными хозяйственными заботами и поручениями. Поэтому с утра она выходила во двор, болтала о том, о сём с соседками, а далее шла в парк, спускалась к реке, а затем другими улочками возвращалась домой, заходя по пути в продовольственные магазины. Изредка она замечала, как нет-нет да мелькала неподалёку от неё машина Никиты. Боковым зрением видела-отмечала как медленно двигался автомобиль, но лишь стоило ей повернуть голову, легковушка ускорялась и исчезала из её поля зрения. Вначале Машу это

раздражало, а затем, наоборот, игра эта стала увлекать её. Чуть позднее, она выходя на улицу уже стала непроизвольно искать его белую «Ладу Калину». «Играем друг с другом в невидимок или в прятки, - думала она, в душе радуясь этому развлечению, - только не заиграться бы. И чего ему от меня надо? Влюбился, что ли? Этого только мне и не хватало. Мне-то он абсолютно безразличен»...

Всю неделю шли дожди. Ненастье, похоже, затягивалось надолго. Никаких признаков улучшения погоды не было. Давление упало столь значительно, что казалось стрелка на барометре вот-вот совсем отвалится. Из-за непогоды Маша просрочила свою явку к врачу. На дворе уже пятница, откладывать визит больше нельзя, ибо впереди выходные. Идти в поликлинику нужно было с утра, чтобы успеть хотя бы к концу рабочего дня расхлебаться со всеми «грехами»: накопившимися процедурами, посещениями специалистов-врачей и дожидаться заключения ведущего её доктора. А так не хотелось мокнуть под дождём. Позвонила в службу такси. Пообещали, но не ранее, чем через час, мотивируя тем, что на линии всего четыре машины, а заказов «выше крыши». Посоветовали договариваться с частниками. Это её тоже не устраивало. Так же пришлось бы стоять на холодном ветру, принимая на себя небесную влагу, в ожидании случайной легковушки. И тут она вспомнила про Никиту. Позвонить или нет? Ведь так плохо они с ним расстались. Не хотелось навязываться. Но и иной альтернативы, как пешком, боясь быть обрызганной проезжавшими автомобилями, добираться до поликлиники, не было. К тому же она боялась промочить ноги, что в её положении категорически исключалось.

- Хочешь - не хочешь, а обстоятельства вынуждают поклониться Никите, наступить себе на горло, - подумала она, - придётся в коей-то мере усмирить свою гордыню. А, собственно, что в том плохого? Я же не навязываюсь ему ни в друзья, ни в подруги, ни в жёны. Я просто вызываю такси, плачу ему деньги. Это же обычный устный трудовой договор на оказание услуг. А натянутые между нами отношения тут совсем не при чём.

Никита подъехал через десять минут. И что удивило Машу и Лизу, он, в отличие от обычных «бомбил», поднялся на их этаж, позвонил в дверь и, открыв её, громко известил: «Я прибыл!»

Брать деньги за проезд он категорически отказался, пытался вернуть обратно Маше и ту злополучную купюру, которую в прошлую поездку она вложила-таки ему в ладонь, и которая теперь покоилась на «торпеде». А в результате, к той денежке добавилась ещё одна. «У нас с Вами чисто деловые отношения, и иных не будет», - сказала она, выходя из машины.

- Я Вас подожду.

- Нет, не нужно, я здесь надолго.

И всё же, Никита решил дождаться её. Он ничего с собой не мог поделать: какими-то неведомыми силами тянуло его к Маше. А чем взяла - захватила она его душу, его сердце, он до сих пор понять не мог. Вроде бы обыкновенная женщина, не лучше и не хуже других. Тем более, в «интересном» положении, в ожидании рождения безотцовщины. А вот подишь ты, пленила его по полной

программе. Вероятнее всего, Богом данной красотой. Красотой природной, натуральной, можно сказать, чистой, деревенской. Хороша она была без всякого макияжа. Казалось бы бери её «голыми руками», ан нет, не тут-то было. Одинокая, но гордая, и цену себе знает, и, похоже, не продешевит. К ней подход иной нужен. Но, вот какой? Вопрос для Никиты оставался без ответа.

* * *

Вышла Маша из медучреждения в начале третьего часа, вышла не одна, а в сопровождении терапевта Чистякова. Известен он односельчанам был тем, что вернулся на свою малую родину после пятнадцати лет работы в областной больнице. Получив обещанный в таких случаях государством миллион, а от местных властей, в порядке поощрения - двухкомнатную благоустроенную квартиру, он уже второй год трудился в районной больнице. Как специалиста его хвалили, больные старались записываться на приём именно к нему. Жена с ним в Молокшу не поехала. Городская по рождению, всю жизнь прожившая в областном центре, на селе она, как выразилась, прозябать не хотела, не прельстилась ни миллионом, ни новой квартирой. Развод она Валерию Витальевичу не давала, тайно надеясь, что рано или поздно муж одумается и вернётся восвояси. За судьбу единственного сына она не беспокоилась. Юноша учился в 11 классе, учился хорошо, «тянул» на медаль, и дальнейшую жизнь решил посвятить как и отец медицине. В деньгах у них проблем не было. Сама Виктория Александровна владела салоном красоты, да и Чистяков ежемесячно перечислял им неплохие деньги.

В фойе поликлиники терапевт и будущая мама встретились «как бы случайно». Маше показалось, что он поджидал кого-то из коллег. А когда увидел её, посмотрел на часы и как-то с отчаяньем махнул рукой, дескать, «А ну вас!» и подошёл к ней.

- Вы домой?

- Да.

- Я тоже иду домой. И нам, кажется, по пути. Мы с Вами живём в соседних домах. Я Вас на нашей улице часто вижу. Пойдёмте вместе. Вам прогулка прописана врачом, и мне она тоже не помешает, особенно после тяжёлого дня, который выдался мне сегодня.

- А как же дождь?

- Какой дождь? Час тому назад он уже кончился.

Попытавшийся выбраться из машины, чтобы встретить Машу, Никита вовремя остановился, увидев её в сопровождении доктора. Оживлённо разговаривая парочка прошла мимо, не удостоив его даже взглядом. Не ожидал такого поворота событий Капустин. Кое-что стало ему понятно. А попутчики меж тем вели непринуждённый разговор о своём прошлом, о том кто и как сюда попал. Только вот тема будущего в их беседе отсутствовала. Маша не знала и даже пока не могла предполагать, что её ждёт впереди. Слишком зависима она была от Щенниковых. Чистяков же думал о том, как бы ему разрубить тот Гордиев узел, что был завязан им и супругой в областном центре. Ещё в первое

посещение Машей его кабинета Валерий положил глаз на писаную красавицу. Знакомясь с карточкой, он обратил своё внимание на её фамилию. Карповых в селе не было, это он знал точно. Значит она приезжая. Медсестра и выложила ему всю её подноготную. Какое-то время терапевт приглядывался к ней, благо их дома находились рядом. Воочию убедился в её одиночестве и вот сегодня впервые решился к ней подойти.

Дни шли за днями. Всё чаще и чаще односельчане видели Валерия и Машу вместе. Кто-то удивлялся, кто-то чертыхался, кто-то недоумевал, как могли совершенно разные люди придти к «общему знаменателю». Обида Капустина на врача, сумевшего подобрать ключик к её сердцу и ответная тяга Маши к Валерию Витальевичу, что было очень заметно, не давали ему покоя. Захотелось даже отомстить как-то доктору, скомпрометировать его с тем, чтобы попытаться всё же наладить с полюбившейся ему женщиной отношения. Продолжая издали наблюдать за нею, а если быть точнее, за ними, он искал повода для провокации, но не находил. Никита всё больше и больше приходил к мнению, что Маша для него уже безвозвратно потеряна. Три недели хватило ему на то, чтобы окончательно убедиться в этом. А пара, наоборот, становилась всё более и более неразлучной.

- Э-э-х, какой же я был глупый и наивный, какой же я был самолюбивый, точнее, самовлюблённый индюк, - корил себя молодой Капустин, - такую женщину потерял! Думал, куда она от меня денется? Кто на неё позарится, в таком-то её положении? Да-а-а, значит нашёлся таковой, не чета мне, кому она отдала своё предпочтение, в кого поверила и, возможно кого полюбила, и вероятно, с первого взгляда. Видимо, и он её крепко любит, коль решился связать с ней свою жизнь, не боясь ни насмешек, ни осуждения, ни сплетен со стороны молокшан.

Также пристально следили за налаживающимися отношениями Валерия и Маши и супруги Щенниковы.

- Как хорошо всё складывается у них, - обнимая мужа, щебетала на ухо Алексею Елизавета. Получается как у нас с тобой в своё время: быстро, серьёзно и на веки вечные. И как-то одинаково складывается у нас троих жизнь: вначале теряем, а затем находим.

- Ну, допустим, это не совсем так. Мы с тобой теряли и потом находили. Но, ведь Маша - то никого не теряла. Как видишь, я ещё пока живой.

- Да, тут ты прав. И она тебя всё ещё любит, это заметно, что меня немного беспокоит. Но, я думаю, новая любовь у неё тоже будет крепкой и потихонечку она затмит любовь к тебе. Тебя ж она постепенно забудет, удалит из своего сердца. И имей в виду, что ты всё же стареешь, а там у них ещё, относительно, - «молодо - зелено».

Неделю отсутствовал Чистяков в Молокше, ездил в губернский город с тем, чтобы убедить свою супругу, наконец-то, решить проблему с разводом. Убедил, ибо оба оставались на своих позициях: менять место жительства ни тот ни другой не хотели. Свои новые отношения перед женой он тоже не скрывал, дав понять ей, что вопрос его совместной жизни с Машей решён окончательно и бесповоротно. При обоюдном согласии на развод, у суда проблем не было.

* * *

В роддом Маше пришлось ехать несколько раньше предполагаемого докторами срока. Неожиданно вечером она почувствовала себя плохо. Пришлось вызывать «Скорую». А на третий день её уже поздравляли с сыном.

Встречать новоявленную мамашу с наследником супруги Щенниковы приехали загодя. Исполнили все необходимые в таких случаях формальности и отправились на крылечко, где традиционно было принято принимать из рук медперсонала новорожденного.

В окружении врача и сестричек появилась раскрасневшаяся от волнения Маша. Она как-то загадочно улыбалась, поглядывая на сестру и зятя. А в это время на аллею выкатил белая иномарка, из которого вышел с огромным букетом цветов Валерий Витальевич. Взобравшись быстро по ступенькам, он, вручив одурманивающе пахнущие розы новоявленной мамаше, обратился к Щенниковым; «Уважаемые Алексей Михайлович и Елизавета Григорьевна! Мы с Машей просим вас, благословить нас. Мы решили пожениться. Формальности с ЗАГС-ом уладим в ближайшее время. А сейчас мы втроём едем ко мне, где и будем проживать, как и Вы, в любви и согласии всю оставшуюся жизнь. Вечером мы ждём Вас к нам в гости.

Приняв новорожденного на руки, откинул с лица уголок одеяла Чистяков взглянул в лицо младенца: «Ух ты, симпатичный-то какой, прям, глаз не оторвать!»

- В нашу породу пошёл, в карповскую, - залюбовалась мальчишечкой Елизавета, - у нас в семействе все красотулечки. Ни дать, ни взять липецкий богатырь - красавец, копия моего старшего брата.

По дороге домой, довольная всем Лиза, откровенничала перед Алексеем: «Как я боялась, что малыш будет на тебя похож. Слава Богу, твоего в нём совсем - совсем мало, лишь отдельные штрихи-чёрточки».

- Всё хорошо, что хорошо кончается. Будем надеяться на светлое будущее для всех нас, и благодарить молитвами заступника и покровителя нашего - Спаса Нерукотворного, - завершил разговор Щенников.